

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИМЕНИ
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ
(БУЛГАКОВА)

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ

**АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ПАРАДИГМА:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 47.04.01 Философия
очной формы обучения, группы 87001613
Алавердян Артема Левушовича

Научный руководитель
к. филос. н., доцент
Кузнецов А.В.

Рецензент
к. филос. н., доцент
Монастырская И.А.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ		Стр.
ВВЕДЕНИЕ		3
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ		8
1.1 Акторно-сетевая теория: содержание понятия		8
1.2. Развитие акторно-сетевой теории Бруно Латуром		16
1.3 Акторно-сетевая концепция Джона Ло		26
ГЛАВА 2 РОЛЬ АКТОРНО-СЕТЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИИ		30
2.1 Акторно-сетевая концепция в исследовании науки и технологии		30
2.2 Создавая гибридные коллективы.		37
2.3 АСТ: открытая строительная площадка.		42
ГЛАВА 3 ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АКТОРНО- СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ		44
3.1. Сетевая парадигма и стратегия национального развития в современном миропорядке на примере Армении		44
3.2 Возможности и перспективы дальнейшего развития акторно-сетевой теории.		57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		65
БИБЛИОГРАФИЯ		67

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. На сегодняшний день перед философией и методологией социально-гуманитарного познания стоят задачи определения новых представлений для описания форм, которые накапливает социальная теория во взаимодействии с различными видами социальных практик. Онтология общества прекращает быть внешней проблемой для социально-гуманитарного познания. Теоретико-методологического осмысления ждут проблемы о меняющейся роли и смысле познания социальности, все более проявляющей свою динамичность и неопределенность, о дисциплинарной матрице современного обществознания, обуславливающей действительное разделение и проблемную междисциплинарность и даже объединение социальных наук, о возможности преодоления препятствие между гносеологией, онтологией и социально-гуманитарным познанием. В своем сочетании это – вопросы онтологической перенаправленности научно-познавательной деятельности в описании, объяснении и проектировании социальных процессов.

Вопрос о способах описания и объяснения общества - вот главная проблематика, которая звучит в основе обсуждения социальных теорий, их значимости и адекватности. Несомненно, что в пределах социальной теории содержатся множество способов описания общества: одни выбирают описание с высоты птичьего полета, другие – узкое и ограниченное; одни указывают на конфликтность, другие – согласованность и сотрудничество; одни основываются на изучении субъективного мира акторов, другие настаивают на подготовке и обработке количественных данных для резюмирования и последующего объединения в теорию. Несмотря на то, что дает нам разнообразные «общества», результат разумеется эпистемологически, т.е. с точки зрения того, каким образом мы приобретаем знание об объекте изучения.

Одной из самых интересных явлений в социальной науке нашего времени является Акторно-сетевая теория. В этой теории одним из основных элементов становится актер - то, что побуждается к действию множеством других и поэтому действует.

Критика традиционной и современной социальной теории в акторно-сетевой теории обусловлена не тем, как лучше или соответственно исследовать общество, а с оценкой ее онтологических допущений. Любая социальная теория, конечно же, стартует с объяснения собственного предмета. Эпистемологические вопросы и споры, относящиеся к легитимности форм знания, имеют значение, если они соотносятся с предметом исследования, с онтологией. Первым методологическим условием АСТ выступает, таким образом, уход от гносеологизма, пересмотр онтологических основ социальной теории. Поэтому Г. Харман в общий контекст «онтологического поворота» в современной философии включает АСТ, а Б. Латура называет родоначальником «объектно-ориентированной философии» [6, p. 151].

При всем этом такое условие недостаточно для характеристики методологии АСТ. Для развития методологии АСТ стоит выделить два общих направления социального рассмотрения в рамках «онтологического поворота»: трансценденталистскую и имманентистскую. Первая стратегия указывает, что акторы включаются в собственно социальный контекст. Эта стратегия придает социологии «фиксированную систему координат», что обеспечивает актерам идентичность и отличительные свойства. Последние применяются социологами без последующего самоанализа, особенно в условиях довольно определенных и неизменных. Имманентистское направление характеризует следование за актерами, за тем, что они делают, сообщают или изображают. АСТ – это социология с «неустойчивой системой координат», исходное ее начало – «середина вещей» и минимальное количество предубеждений:

«В большинстве обычных случаев... дорелятивистская парадигма вполне приемлема, и любая фиксированная система координат способна регистрировать действие без значительных деформаций. Но как только процесс ускоряется, нововведения разрастаются, а сущности множатся, абсолютистская система взглядов оказывается безнадежно провальной. Именно тогда и следует разрабатывать релятивистский подход, чтобы быть способным перемещаться между системами координат и устанавливать определенную соизмеримость между следами, оставленными системами, движущимися с очень разной скоростью и ускорением» [5].

Имманентистско-онтологическая переориентация обуславливает пересмотр понятий, традиционно объясняющих общество как внутренне независимую субстанцию с учетом их онтологических условий, т.е. исторического процесса объекта исследования.

Степень разработанности проблемы. Акторно-сетевая парадигма и в наши дни имеет большое место в исследованиях отечественных, зарубежных авторов.

Теория разделилась на две ветви:

- Парижская ветвь: работы Бруно Латура, Мишеля Каллона и их последователей,
- Ланкастерская ветвь представлена прежде всего работами Ло, а также работами Эннмари Мол (Mol), МадленАкрич (Akrich), Нильса Альбертсена (Albertsen), Виктории Синглтон (Singleton).

Так же можно выделить:

- австрийскую ветвь: Карин Кнорр-Цетина
- отечественную (русской, советской) ветвью: Вахштайн В.

Степень разработанности и актуальность проблемы определили объект, предмет и цель исследования, которые указаны.

Объектом исследования: является человек как актор.

Предметом исследования: является развитие проблемы «социального» и «материального» в социологической теории.

Цель и задачи исследования: является философско-социальное и философско-антропологическое восстановление и интерпретация ментально-антропологических значений «сборок» в природе, понятие, что именно «собирается» под сенью общества, и мысль или полежние, что это единственное средство сохранить верность прежним обязательствам социологии, этой «науки о жизни сообщца».

Задачи исследования в соответствии с его общим замыслом состоят в следующем:

- раскрыть теоретико-методологические основы акторно-сетевой парадигмы в основании антропологии;
- проследить роль акторно-сетевой концепции в исследовании науки и технологии;
- рассмотреть дальнейшие перспективы и эволюцию акторно-сетевой теории мира в идеологии ее основоположников и практике на примере стран;
- выявить антропологические смыслы теории;
- проанализировать предпосылки к появлению акторно-сетевой парадигмы

Теоретико-методологические основы исследования: Особенность предмета исследования предписывает необходимость в разностороннем подходе к его решению. Философско-социальная и философско-антропологическая оценка данной проблемы определяет осуществление исследования средствами понятийного аппарата с применением сравнительно-исторического, социокультурного, историко-генетического, логического, историко-типологического анализа, культурно-антропологических и социально-психологических методов и средств.

Научная новизна исследования: Проблемы, исследованные в диссертации, в таком комплексном сочетании и так последовательно в отечественной литературе не рассматривались, что и определило следующие моменты научной новизны:

- выявить философские и теологические основы антропологии акторно-сетевой парадигмы;
- рассмотрена эволюция антропологии акторно-сетевой теории в идеологии основателей и практике культурно-антропологической парадигмы на примере Армении;
- проанализированы предпосылки к появлению акторно-сетевой парадигмы
- выявлены антропологические смыслы теории;

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования.

Значение настоящего исследования состоит в том, что полученные результаты важны для глубокого и конструктивного понимания акторно-сетевой теории, в частности ее социальной концепции. Выводы и положения диссертации намечают перспективы новых изучений исторического прошлого и современного состояния теории, способствуют пониманию роли и места теории в современном мире.

Результаты работы могут применяться в преподавании основных и специальных курсов по философии, социологии и антропологии.

Апробация результатов работы. При разработке основных положений и выводов диссертационного исследования были изучены материалы выступлений на научных конференций различного уровня, а также материалы научных журналов и сборников.

Структура работы. Включает в себя введение, три главы, заключение и библиографию, состоящую из 80 наименований. Содержание диссертационной работы изложено на 74 страницах.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

1.1 Акторно-сетевая теория: содержание понятия

Акторно-сетевая теория, одно из наиболее радикальных и впечатляющих направлений в современных социальных науках. Это направление появилось в рамках широкой междисциплинарной области «исследования науки и технологии».

Термин «акторно-сетевая теория» (АСТ) объединяет два понятия, которые обычно рассматриваются как противоположности: актор и сеть. Это напоминает нам о старых, традиционных противоречиях в самом сердце социальных наук, таких как: противопоставление действия и структуры, микро- и макро-анализа. Однако, АСТ известная также как социология перевода – это не просто еще одна попытка показать искусственность или диалектичность этих классических оппозиций. Напротив, ее цель показать каким образом они конструируются и предложить инструменты анализа этого процесса. Одна из центральных предпосылок АСТ состоит в том, что социальные науки называют «обществом», является непрерывным исполнением (*ongoing achievement*). АСТ это попытка дать инструменты для объяснения самого процесса, посредством которого общество постоянно реконфигурируется. Что отличает эту теорию от других конструктивистских подходов, так это объяснение общества в процессе его создания, в котором наука и технология играют решающую роль.

АСТ известна всего около 40 лет, ей удалось вырасти из метода исследования лабораторных занятий ученых в крупный разряд концепций, применяемых (в том числе на практике) к самым разным событиям в университетах и научных мировых центрах. АСТ первоначально разрабатывалась как социология перевода и за короткий срок успела разработать как минимум две тенденции: к изучению технологий

и к онтологии. В 1990-е годы разыгралась серия суровых споров ее последователей с приверженцами социологии научного знания, а затем АСТ попала в самый в центр так называемых научных войн¹ и громких конфликтов и споров между научными реалистами и сторонниками «постнеклассической рациональности». В это же десятилетие произошла масштабная междисциплинарная экспансия АСТ².

За свою историю подход испытал несколько серьезных преломов. В середине 1980-х годов его сторонники отделились от социальных конструктивистов, а в 1999 году объявили о переходе к фазе пост-АСТ. Этот переломный момент явился толчком роста: ведущие представители настоящего подхода продолжили изучение, не игнорируя полностью аргументы раннего акторно-сетевого анализа. Последние изменения произошли совсем недавно, когда Латур фактически переключился на соприкасающийся проект философию модусов существования и увлек за собой многих молодых исследователей.³

В развитии АСТ можно определить четыре фазы, в каждой из которых данный подход испытывает влияние различных идей и теории.

Фаза 1: вторая половина 1970-х – начало 1980-х. В ранних работах по антропологии науки, Латур использует семиотический метод А.-Ж. Греймаса для анализа содержания научных статей и описания производства записей (графиков, таблиц, изображений и т. д.) в лабораториях. Соединяя семиотику с идеями агонистического поля П. Бурдьё и полемических языковых игр Ж.-Ф. Лиотара, Латур показывает, что содержание научных утверждений является динамическим продуктом противоборства аргументов и контраргументов в ходе научных споров.

¹ Brown J. R. Who Rules in Science? An Opinionated Guide to the Wars. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.

² Evarts S. Translating the Translators: Following the Development of Actor-Network Theory. BA thesis. Brown University, 2011.

³ Latour B. An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns/C. Porter (trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. 4 ЛОГОС · ТОМ 27 · № 1 · 2017

Фаза 2: 1980-е. В результате сотрудничества Латура с М. Каллоном, М. Акриш и Дж. Ло формируется «социология перевода», в рамках которой вводится будущий словарь АСТ (перевод, актант, черный ящик, сеть, обязательные пункты прохождения и т. п.). Идеи Греймаса не только сохраняют свое влияние, но и радикализируются Латуром: социология перевода возникает в процессе перехода от семиотики научных споров на страницах книг и статей к материальной семиотике конструирования научных фактов и технических артефактов.

Кроме того, под влиянием идей Ф. Ницше, Ж. Делеза и Г. Гарфинкеля, Латуром разрабатывается «общая теория относительности» для социальных наук, получившая название «ирредукционизм», суть которого состоит в том, чтобы запретить исследователю отталкиваться от априорных различий (человеческое/не-человеческое, природное/культурное, микро/макро и т. д.) и тем самым произвольно редуцировать практики и утверждения акторов. Эта методологическая установка дает решающее преимущество в исследованиях процессов инноваций, где природа и масштаб акторов, правила взаимодействия, критерии оценки и т. д. крайне изменчивы и не определены. Таким образом, АСТ наиболее сильна в эмпирическом изучении ситуаций с высоким уровнем неопределенности, поскольку предлагает очень гибкий методологический аппарат, позволяющий описывать любые действия и отношения акторов, не редуцируя их, и не меняя язык описания. Однако именно поэтому АСТ совершенно бесполезна в рамках policy-making и evaluationprocess, где требуется формирование суждения, на основе априорных допущений четких критериев или экстраполяции полученных ранее выводов, в то время как АСТ может посоветовать лишь провести еще одно эмпирическое исследование и только после этого вынести суждение.

Фаза 3: 1990-е. в процессе интернационализации «социологии перевода», появляется термин «акторно-сетевая теория». Под воздействием позитивной критики внутри STS, а также под влиянием новых идей,

терминологический аппарат АСТ становится более изощренным. Среди множества разнообразных концептных смещений можно выделить следующие: «перевод» и «сеть» сменяют «медиация» и «привязанность» (А. Аньон), «конструирование» и «факты / артефакты» – «артикуляция» и «пропозиции» (А. Уайтхед), «человеков / не-человеков» – квази-объекты / квази-субъекты (М. Серр). Метод АСТ становится более гибким по мере его распространения не только на науку и технологии, но и на город, политику, религию, искусство, право. В этом отношении авторы АСТ не просто предложили теорию, но и показали ее успешное «применение» в своих исследованиях различных форм коллективной жизни в современном мире.

Фаза 4. 2000-е: после -АСТ и антропология режимов существования. Чтобы понять суть АСТ, необходимо уяснить, что она является не конечным пунктом назначения интеллектуально-политического проекта Латура, но промежуточной (хотя и крайне важной) вехой на пути к позитивной антропологии Запада. АСТ стала своего рода бульдозером, который позволил разрушить основные препятствия на пути к такой антропологии.

АСТ позволила Латуру показать, что базовые категории и оппозиции Модерна (субъект / объект, природа / культура, человеческое / не-человеческое и т. д.) должны быть предметом эмпирического изучения и объяснения, а не отправной точкой социальных наук. Используя базовые категории Модерна, в качестве инструмента, а не объекта познания, социальные ученые склонны исказить суть одних режимов существования (наука, технология, религия, право) и вовсе не замечать другие (метаморфозы, репродукция, привязанности, препозиции). Устранив это препятствие при помощи АСТ, Латур, опираясь на идеи Э. Сурьо, Ж. Симондона, М. Серра, И. Стенджерс и прагматистов (У. Джеймса и Дж. Дьюи), предлагает переописать одни режимы существования и артикулировать другие.

Латур, наиболее максимально последовательно и систематично развивал и развивает этот подход. Поэтому имеет смысл рассматривать становление АСТ в перспективе развертывания мышления Латура.

Многие исследователи склонны рассматривать последние работы Латура по антропологии режимов существования в отрыве от АСТ, что неверно, поскольку только эти две части вместе наделяют друг друга значением. В этой фазе помимо исследований Латуром различных режимов существования, большое значение имеют работы А. Мол по антропологии клиники и практик заботы.

Акторно-сетевая теория Мишеля Каллона, Бруно Латура, Джона Ло и Аннмари Мол, одно из самых радикальных направлений в исследованиях науки и технологий. В итоге прошлое акторно-сетевого анализа делается все более запутанным, и он приобретает разнообразные эмпирические приложения¹. Чем дальше он вовлекается в междисциплинарное поле, входит в дискуссии и выстраивает объединения, тем больше вокруг него рождается интерпретаций.

Кто-то находит в АСТ эмпирический вариант постструктурализма², кто-то - вариацию французской прагматической социологии³; одни эксперты анализируют ее как радикальную форму этнографии, другие, как общую социальную теорию технонауки.⁴ Ряд философов объединяют АСТ с онтологическим конструктивизмом и философией процесса⁵, а некоторые объявляют новой, локальной и атеистической формой окказионализма⁶.

¹ Schmidgen H. Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography. N.Y.: Fordham University Press, 2014.

² Law J. Actor-Network Theory and Material Semiotics//The New Blackwell Companion to Social Theory. 3rd ed. Malden, MA: Blackwell, 2008. P. 141– 158.

³ Dosse F. Empire of Meaning. The Humanization of the Social Sciences. Minneapolis: Minnesota University Press, 1998.

⁴ Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2004.

⁵ Столярова О. Е. Реляционная онтология А. Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 84– 103.

⁶ Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: re:press, 2009.

В различных контекстах АСТ является то как посткритическая социология¹, то как космополитический проект², то как консервативная методология³. У российских философов принято различать Парижскую (Латур и Каллон) и Ланкастерскую (Ло и Мол) школы⁴. Различие двух направлений помогает яснее размежевать теоретические стили: Латур и Ло по-разному понимают рефлексивность исследователя и занимают различные позиции в отношении данного вопроса. Иного. Если Парижская школа пыталась отделиться от критической теории в любых ее проявлениях, то Ланкастерская школа неизменно взаимодействовала с дискурсами эмансипации.

Эта негласная оппозиция сформировалась во второй половине 1990-х годов, но сейчас уже не передает академические реалии: Латур больше не работает с Каллоном, хотя Горная школа Парижа, где они долгое время возглавляли Центр социологии инноваций, остается одним из очагов АСТ; работавшие же в Ланкастере мастера давно разъехались по разным университетам и институтам.

Сам Ло нашел более гибкий способ раскрывать разные течения в границах одной традиции⁵. Рассматривая несколько исследований, он отмечает: в то время как Мадлен Акринс придерживается «классической» версии АСТ, Харрис Кассинс в своей работе использует еще и этнометодологию, и феминистские исследования науки, не ограничиваясь Латуром. Вики Синглтон интересуется ролью амбивалентности, и в своем анализе медицинской практики она сильно отходит от менеджериализма, принятого в социологии перевода 1980-х годов.

¹ Вахштайн В. С. Пять книг о посткритической социологии // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 275–281. 15.

² Stengers I. *Cosmopolitiques*. Т. II: *L'Invention de la mécanique* by Isabelle Stengers/R. Bononno (trans.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011.

³ Noys B. *The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.

⁴ Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.

⁵ Law J. *Traduction/Trahison: Notes on Actor-Network Theory* // TMV Working Paper. 1997. № 106. P. 1–26.

Поэтому Ло рекомендует говорить о разных диаспорах в акторно-сетевом подходе. Этот подход главным образом популярен благодаря развитию сетевой метафорике и наделению агентностью не-человеков в исследованиях науки и технологий. Но далеко не все его последователи специально занимаются технаукой, и не все понимают под не-человеками одни и те же сущности. Как отмечалось, АСТ принято соотносить с так называемым онтологическим поворотом в STS, однако Бас ван Хойр, Салли Виатт и Лут Лейдерсдорф обосновали, что вместо единого поворота стоит говорить о множестве частичных изменений в теоретической панораме¹. Среди акторно-сетевого анализа авторы обращаются к разным онтологическим источникам: постструктурализму, философии процесса, объектно-ориентированной онтологии.

Сам термин «онтология» часто актуализируется по-разному: онтология может, как противопоставляться методологии², так и восприниматься в сочетании с ней³. Споры вокруг роли метафизики в STS и АСТ не прерываются. В конце концов, даже понятие сети было подвергнуто критике⁴, и возникло целый ряд альтернативных концептов: потоки, дробности, тропы, онтологическая хореография, модусы упорядочивания⁵. Неделимость акторно-сетевого подхода задается дрейфом концептов, ходов

¹ Van Heur B., Leydesdorff L., Wyatt S. Turning to Ontology in STS? Turning to STS through “Ontology” // *Social Studies of Science*. 2013. Vol. 43. № 3. P. 341–362. URL: <http://www.leydesdorff.net/ontology/ontology.pdf>.

² Sayes E. Actor-Network Theory and Methodology: Just What Does It Mean to Say That Nonhumans Have Agency? // *Social Studies of Science*. 2014. Vol. 1. № 44. P.

³ Mol A. Actor-Network Theory: Sensitive Terms and Enduring Tensions // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2010. Vol. 50. № 1. P. 253–269.

⁴ Элам М. Как опасно жить в гибридном мире Бруно Латура // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*. № 4. М.: ИНИОН, 2000. С. 29–35.

⁵ Mol A., Law J. Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology // *Social Studies of Science*. 1994. Vol. 24. № 4. P. 641–672; Cussins A. Content, Embodiment and Objectivity: The Theory of Cognitive Trails // *Mind*. 1992. Vol. 101. № 404. P. 651–688; Cussins C. Ontological Choreography: Agency for Women Patients in an Infertility Clinic / M. Berg, A. Mol (eds) // *Differences in Medicine: Unraveling Practices, Techniques, and Bodies*. Durham, NC: Duke University Press, 1998. P. 166–201; Law J. *Organizing Modernity*. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1994.

и проблем, взаимными отсылками, коллективными выступлениями, сборниками и статьями, а также в немалой степени притязаниями на переопределение дисциплинарных пределов. Речь идет об облаке семейных сходств или даже «частичных связей»¹, разрешающих распознать сторонников АСТ на нынешней интеллектуальной сцене.

Ключевой ход акторно-сетевой теории, приостановка процесса редукции АСТ противопоставляет себя практикам, сближающим разнообразные феномены к демонстрациям некоторого первичного уровня социального, культурного, дискурсивного, биологического и т. д. Редукция была заложена в само строение исследовательской работы как ключевая операция.

Акторно-сетевая теория постаралась изменить этот консенсус принципом ирредукции: «Никакая вещь сама по себе не может быть сводима или несводима к другой». В результате, рассеиваются границы между предметными областями, заканчивая фундаментальными делениями природы / культуры, человеческого / нечеловеческого, материальное / нематериальное. АСТ обуславливает связи между содержащимися в них сущностями. Ранее объекты сосредоточивались по разным онтологическим регионам и логическим классам и изображались посредством различных языков (философских, обыденных, научных, инженерных и т. д.).

Ныне эти гетерогенные сущности попадают на одну онтологическую плоскость. Все они, акторы, одинаковые в своем умении действовать и функционировать, в которых и определяется их суть. То, что ранее было разделено, сравнительно или абсолютно иерархизировано и несопоставимо, теперь в результате ликвидации исходного концептуального каркаса и «уплощения» возникает случай взаимодействовать на равных.

Акторно-сетевой анализ, прослеживая конкретную сеть этих взаимодействий, раскрывает все работающие сущности и вычеркивает все

¹ Strathern M. Partial Connections. Savage, MD: Rowman and Littlefield, 1991.

«безработные», а также показывает, что за единичным, обусловленным объектом стоит совокупность осуществленных и продолжающих выполняться работ, та или иная сборка.

1.2. Развитие акторно-сетевой теории Бруно Латуром

Многообразие, разнородность и изменчивость АСТ можно отследить по траектории каждого из ее авторов, возможно, в максимальной степени Латура. Хотя он не уникальный основатель традиции и не автор термина «акторно-сетевая теория», ни одно обстоятельное обсуждение ее основных положений не обходится без ссылок на его многочисленные труды. Ему посвящено подавляющее количество специальных исследований¹ Бруно Латур (фр. Bruno Latour) французский философ и социолог науки. Вместе с Мишелем Каллоном и Джоном Ло является одним из основоположников акторно-сетевой теории (АСТ).

Родился 22 июня 1947 года в Бургундии, в семье виноделов. Получил антропологическое и философское образование. Читал лекции в Лондонской школе экономики и на кафедре истории науки Гарвардского университета. Бруно Латур, доктор наук, связан с Центром организационной социологии, вице-президент его исследовательской деятельности. Он является автором книг: «Нового Времени не было», «Пастеризация Франции» (1984), «Лабораторная жизнь» (1979), «Арамис или Любовь к технологии». В 1987 Латур публикует книгу «Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества», - один из самых значимых текстов по социологии науки и техники.

¹ Bammй A. Wissenschaftim Wandel: Bruno Latourals Symptom. Marburg: Metropolis, 2008; Kneer G., Schroer M., Schttpelz E. Bruno Latours Kollektive. Kontroversen zur Entgrenzung des Sozialen. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2008;

Blok A., Jensen T. E. Bruno Latour: Hybrid Thoughts in a Hybrid World. L.: Routledge,

У Латура есть свой сайт с стабильно обновляющейся библиографией; с его помощью можно отслеживать академические явления, так или иначе связанные с АСТ. Последний проект Латура, «Исследование модусов существования», превратился в открытую исследовательскую онлайн-платформу и объединил десятки авторов¹.

Ссылки к Латуру повсюду присутствуют в исследованиях науки и технологий. Бесспорно, можно говорить о нем как о значительном интеллектуале, в этом ключе его карьера достойна такого же изучения, как и карьера Жака Деррида.² Как и он, Латур стал значительно известен в англоязычном академическом мире, основав новую зону обмена между французскими и британскими англосаксонскими традициями в социальных науках. В этом контексте его имя ассоциируется синонимом Центра социологии инноваций в Горной школе Парижа. Но «Латур» это также обозначение для широкой исследовательской сети, в которую в разные периоды входили совершенно разные специалисты: социологи, антропологи, инженеры, кураторы, экономисты, философы. Список продолжает углубляться и сейчас.³ Этой сети удалось собрать необходимые ресурсы, заключить необходимые союзы и сделать «латурианство» действующей исследовательской методологией. В итоге, со временем слово «Латур» оказалось метонимией всего акторно-сетевого подхода: «Мы говорим АСТ подразумеваем «Латур», мы говорим «Латур» подразумеваем АСТ»⁴. Тем самым Латур разделяется на Латура, - интеллектуала, Латура - Парижская школа, Латура, как сеть исследовательских программ, Латура - как АСТ.

¹ Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей: сб. ст./Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.

² Ламонт М. Как стать самым важным французским философом: случай Деррида // Логос. 2009. № 4–5 (72). С. 3–42.

³ Кузнецов А. Г. «Парадигма Латура»: история одного предательства социального конструктивизма в исследованиях науки и технологий // Векторы развития современной России: «границы» в социальных науках: Материалы XI Международной научно-практической конференции (Москва, 20–21 апреля 2012 года). М.: МВСШЭН, 2013. С. 64.

На практике имя сглаживает отличия четырех смыслов и обеспечивает непрерывные смещения между ними. Отождествление «Латура» и АСТ всегда было и остается значительно проблематичным.

Его дело заслоняет собой вклад Мишеля Каллона, Джона Ло, Аннмари Мол, Ари Рипа, Мадлен Акрич и других, впитывает их энергию. Что говорить о более молодом его последователях. В то же время труды Латура тщательно и разносторонне изучены, поэтому его можно применять для навигации по смешанному массиву частичных связей, простроивших акторно-сетевой подход. Конечно, имеется опасность свести АСТ к латурианству. Чтобы ее исключить, мы представим многосоставность и изменчивость феномена «Латура», отличительные свойства его рецепции, а затем приведем примеры альтернативных исследовательских мнений внутри АСТ. Акторно-сетевая теория никогда не добивалась благостной ортодоксии. В горизонтах Латура, Каллона и Ло было, как можно дольше сохранять нечеткость и разнородность подхода, тем самым, сделав его неуязвимым для неглубокой критики. Они постоянно отмечали его гибкость, даже податливость, но это не указывало снижения степени радикализма. Их старание встроиться в актуальные полемики социальной теории наталкивались на заметный отпор.

Так, в 1990-е годы противники Парижской школы запустили в использование сразу несколько критических интерпретаций АСТ. Отдельные авторы не поняли, что Латур дистанцируется от социального конструктивизма¹, другие открыли в новой методологии абсолютизацию семиотики, присущую французской теории. Благодаря Алену Сокалу и Жану Бринкмону Латур очутился в стане постмодернистов, неверно

¹ Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken // *Sciences as Practice and Culture* / A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 301–326;
Pickering A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 12–13.

изображающих научные содержания¹. Пьер Бурдьё увидел в АСТ наивный менеджериализм, в рамках которого ученые показываются как «дикие капиталисты», пытающиеся мобилизовать все присущие ресурсы для расширения своих сетей². Ханс Раддер указывал на дескриптивность подхода и отсутствие рефлексии о нормативном³. Часто главной целью атаки становился сам Латур; в ответ он формулировал упрощенные схемы противостоящих проектов. Эти карикатуры стали известны в сообществе исследователей науки и технологий и создали условия для Латурав расставке акцентов в собственной теории. В опасное положение попали французская эпистемология науки⁴, критическая социология⁵, социальный конструктивизм⁶. А в труде «Нового времени не было» возникли емкие «скетчи» для гегелевской диалектики, кантианства, марксизма, философии Юргена Хабермаса и деконструкции⁷. Если сопоставить друг с другом эти схемы, то перед нами появится карта интеллектуального ландшафта, с помощью которой Латур обозначал себя и своих союзников для внешней аудитории. Самый яркий пример - обмен репликами с Дэвидом **Блуrom46**, активистом Эдинбургской школы социологии науки, в котором Латур выступает представителем всей АСТ. Эта конфронтация имела принципиальное значение, так как в нем сошлись два основных теоретика исследований науки. Во многом в их споре определялось, какой

¹ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. Гл. 6.

² Bourdieu P. Science of Science and Reflexivity. Cambridge: Polity Press, 2004. P. 29

³ Radder H. Normative Reflections on Constructivist Approaches to Science and Technology // Social Studies of Science. 1992. Vol. 22. P. 141–173.

⁴ Latour B., Bowker J. A Booming Discipline Short of Discipline: (Social) Studies of Science in France // Social Studies of Science. 1987. Vol. 17. № 4. P. 715–748.

⁵ Latour B. Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry. 2004. Vol. 30. № 2. P. 225–249.

⁶ Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.

⁷ Моркина Ю. С. Социальная теория познания Д. Блура: истоки и философский смысл. М.: Канон+, 2012..

теоретический стиль будет решающим в этой области, какое понимание симметрии зафиксировано в сообществе.¹

Данная полемика создает смысловой центр первого номера «Анти-Латур». Ее контекст реконструирует в изданной статье Виктор Вахштайн. Чтобы отследить линии напряжения, определившиеся вокруг Эдинбургской школы, он адресуется к жанру «военной истории идей». В его изображениях «эпистемические коалиции» собираются и распадаются: они сосредоточиваются то вокруг полемик о природе научной рациональности, то вокруг теоретического наследия Людвига Витгенштейна. В столкновении Блур и Латура разрешается судьба принципа симметрии, а из глубоких, амбивалентных отношений между АСТ и философией Грэма Хармана обозначается новая перспектива объектно-ориентированной социологии. Выбранный жанр настаивает выделять победителей и побежденных. Например, Блур, главный герой статьи, одерживает победу над Эрнаном Мак Маллином, но терпит поражение от Латура и Майкла Линча. Такая логика изложения может представиться слишком однозначной, но разнообразные аргументы Вахштайна позволяют каждому читателю построить собственную стратегию интерпретации. Чтобы отвечать на критику и согласовывать рецепцию АСТ, Латур и его коллеги часто используют самописание. Из-за непрерывных трансформаций подхода им приходится систематически встречаться с тем, что актуальное его состояние не соответствует ярлыкам и «измам», принимающимся жить отдельной жизни.²

Блур рассчитывал, чтобы форма объяснений в социологии была симметричной: «Одни и те же типы причин будут объяснять, например, и истинные, и ложные представления» с определением Каллона: Каллон М. О некоторых элементах социологии перевода: приручение морских

¹ Моркина Ю. С. Социальная теория познания Д. Блур: истоки и философский смысл. М.: Канон+, 2012.

гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриёню.¹ Каким-то образом не самое точное и удачное выражение «акторно-сетевая теория» обходит по популярности и «социологию перевода», и «материальную семиотику», и «симметричную антропологию», и, что менее удивительно, «актантно-призматическую онтологию».

К 1990-м годам новая теория становится известной не только в кругу исследований науки и технологии, но и в смежных дисциплинах². Множественной рецепции сопутствуют критика и самокритика. Кроме того, теория подвергается нападкам в рамках «научных войн», но продолжает формироваться. В этот период появляется серия трудов, призванных справиться с шумом множества интерпретаций и предоставить взамен собственную целостную картину. Показанные статьи Латура «Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями» (текст 1996 года, основанный на работе 1990 года) и «АСТ: вопрос об отзыве» (1999) так похожи, что могут показаться двумя вариациями одного текста, но сложжились они в разных контекстах. В «Некоторых разъяснениях» Латур предлагает детальный экскурс в акторно-сетевую теорию и отвечает на популярные критические аргументы. В центре его внимания лежат те топологические изменения, которые распространяют понятие сети. Именно сетевые описания разрешают переопределить давние пространственные дихотомии - «далеко/близко», «внутреннее/внешнее», «большой масштаб/малый масштаб», чтобы открыть социальную теорию навстречу философии ирредукций. Подчеркивая различие своего подхода и концепции социальных сетей, исследователь в очередной раз показывает, что актант ни в коем случае не идентичен индивидуальному человеку, что само это понятие может быть определено через семиотику. Семиотическая линия аргументации определяется

¹ Блур Д. Указ. соч..

² Кузнецов А. Г. Указ. соч. С. 68–69.

на уровне методологии и онтологии. Латур отбрасывает обвинения в менеджериализме, дескриптивности анализа и догматизме и борется за независимость АСТ от «натурализации», «социализации» и «текстуализации» как редукционистских стратегий исследования. За три года Латур переступил от «разъяснений» к желанию «отозвать акторно-сетевую теорию» из научного оборота. Труд «АСТ: вопрос об отзыве» представлена в популярном сборнике с говорящим названием «После акторно-сетевой теории»¹.

В нем основные участники акторно-сетевого проекта размышляли над тем, чем он стал за минувшие годы, констатировали провал отправных намерений и необходимость оставить теорию в прошлом и двигаться вперед. Статья Латура также исполнена самокритичности. Ныне в словосочетании «акторно-сетевая теория» не в порядке все: «акторы», «сети», соединяющий их дефис, «теория»². Эти понятия претерпели массу искажений, и автор пытается отыскать им альтернативу. Вместо акторов и сетей, приводивших о дуализме структуры и действия, он выставляет на передний план понятие циркуляции. Далее, акторно-сетевой анализ как теория основывается на завлении «следовать за акторами»; в этом смысле его стоит рассматривать, вернее, как метод. Латур признает, что его словарь не давал разнообразным акторам «выстраивать их собственное пространство». И все-таки, поскольку вернуть АСТ в действительности невозможно, он рекомендует развивать ее потенциал, вызывая включить в круг ее междисциплинарной циркуляции не только науку и технологию, но и психологию, и политическую теорию, и также теологию. Эти материалы стоит рассматривать в совокупности с масштабными обзорами кейсов в таких книгах, как «Наука в действии» (1987) и «Пересборка социального» (2005)⁵¹. Хотя они являются

¹ Actor Network Theory and After/J. Law, J. Hassard (eds). Oxford: Blackwell Publishers/The Sociological Review Monographs, 1999.

² Law J. After ACT: Complexity, Naming and Topology / Actor Network Theory and After. P. 1–14. См. также: Mol A. Op. cit.

самостоятельными теоретическими работами, Латур намеренно представлял их как учебники по изучению науки и технологий, заигрывая с дидактической особенностью изложения. Привлекая ряд кейсов других авторов, он показывает мастерство обзора, которое в 1980-е годы сделало его книгу «Наука в действии» одной из основных обобщающих трудов в этой области. В «Пересборке» он оканчивает интригу «Вопроса об отзыве», возвращаясь к проекту «акторно-сетевой теории» и оправдываясь:¹. С ним в большей части согласны Ло и Мол: пара «актор - сеть» анахронична и отправляет к оппозиции структуры и действия, «теория» рассчитывает внутреннюю последовательность, призвание вырабатывать объяснения, присутствие общего метода - все, что они стараются переосмыслить, преодолеть.²

Самоопределение теории проистекало не только в борьбе с критикой и в стараниях контролировать экспансию. Немалое значение играло заключение союзов, и статья Латура «Визуализация и познание: изображая вещи вместе» (1986) пример того, как прорабатывался союз с исследованиями визуальности. Латур основывается на работах Уильяма Айвинса, Светланы Альперс и Элизабет Эйзенштейн, чтобы разъяснить, как наука Нового времени обучалась действовать на все увеличивающихся дистанциях. Развитие метода «отдаленной точки» в голландской живописи, изобретение линейной перспективы и экспансия печатного станка позволяют распространять большие объемы информации без значительных искажений, так возникают известные «неизменяемые мобильности» АСТ. Именно в «неизменяемых мобильностях», а точнее, в каскадах записей (inscriptions) скрывается секрет успеха западной науки. По сравнению с крупной работой «Визуализация и познание» другая статья следующего номера «Логоса», «Берлинский ключ, или Как делать слова при помощи вещей» (1991), может

¹ Law J. After ACT: Complexity, Naming and Topology / Actor Network Theory and After. P. 1–14. См. также: Mol A. Op. cit.

² Латур Б. Наука в действии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013;

показаться неприметной. Изложение базируется вокруг мысленного эксперимента с удивительной моделью ключа, с которой Латур встретился в берлинских домах. Пытаясь понять принцип его работы, условный археолог/антрополог перебирает многообразные способы исследований, принятые в социальных науках. Среди задач статьи - не только поиск свежих метафор, не только реклама или очередной маневр на размытом рубеже между обществом и технологиями. «Берлинский ключ» - это, прежде всего, увлекательный способ сжатия теории, разрешающий быстро и броско представить ее основные аргументы¹. Со временем в самоопределениях акторно-сетевой теории преимущественно проявляется страсть к ретроописаниям. Один из последних образцов - «Биография одного исследования: к работе о модусах существования». Хотя Латур знаменит тем, что неизменно меняет позицию, в этой статье он пытается представить свою непростую творческую эволюцию как «одно исследование», единый путь, соединяющую экзегетические упражнения под инструкцией Андре Мале, изучение лаборатории в Институте Солка, исследование приматов вместе с Ширли Штрум, проверка провала системы ARAMIS и многие другие программы. При этом такое единство придается прошлому обратным числом, отталкиваясь от поздней концепции модусов существования. Латур утверждает, что идея различных режимов веридикции, или модусов существования, создавалась им, начиная с 1986–1987 годов². По сравнению с предыдущими текстами эта статья наполнена оптимизмом: новая концепция сможет одолеть недостатки акторно-сетевой теории, восполнить критику Нового времени положительной альтернативой и понять разворачивающийся экологический кризис. Этот замысел высказан в его *opus magnum* «Исследование способов существования. Евгений Быков подготовил рецензию на эту работу. Он анализирует отличия теории

¹ Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // *Логос*. 2002. № 5–6

² Latour B., Harman G., Erdilyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE*. Winchester, UK: Zero Books, 2011. P. 52.

модусов существования от акторно-сетевого анализа и представляет, за счет какого комплекса концептуальных механизмов внедряется в работу новая оптика. Сложное взаимодействие модусов [PRE] (препозиции) и [NET] (актор-сети) развёртывает перед читателем динамичную онтологию, состоящую из 15 перекрещивающихся внутренних логик. Бифуркация природы¹ делает ее невидимой, и цель новой философской антропологии заключается в том, чтобы разъяснить носителям сознания модерна, что их собственные поступки расходятся с их же словами. В рецензии также разбираются некоторые возражения против поздней концепции Латура. Чтобы разобраться с отличительными чертами его стиля, автор предлагает собственное подобие модуса - [REV] (review). Как режим веридикции, [REV] отсылает к тем трансформациям опыта, которые у читателя должна вызывать сама книга. С его помощью Быков проводит важную мысль: АИМЕ - это не нагромождение спекулятивных обобщений, но способ для исследования нашего опыта. Может возникнуть впечатление, что Латур воспринимает свое детище как место для экспериментов, проб и ошибок, которые можно совершать практически без последствий - как в лаборатории. На самом деле, если отталкиваться от презумпции единства и последовательности теории, то найти несоответствия в его текстах нетрудно. Он вводит новые термины, а потом отрекается от них, он скрывает бесспорные связи со своими предшественниками и коллегами, чтобы выставить на передний план забытые личности, принадлежащие истории философии и социологии, отказывается от самого замысла АСТ и возвращается к нему. Эта нестабильность вводит в заблуждение и критиков, и читателей, провоцируя все новые интерпретации. Поэтому Латур - сам себе анти-Латур. Traduttore, traditore («Переводить-значит предавать») - девиз, принятый для активного

¹ Whitehead A. N. Concept of Nature: Turner Lectures Delivered in Trinity College, November, 1919. Cambridge: The University Press, 1920.

использования социологией перевода, ставший и характеристикой его интеллектуальной траектории.

Для Латура сеть как метафорическое понятие важна еще и тем, что интуитивно, в пространственных реалиях, захватывает незначительное место. А что находится вне сетей и забирает куда больше места в нашем мире? Бессвязные объекты или неструктурированный бульон постмодерна? Для решения этого вопроса Латур и внедряет интересующий нас термин «плазма» – «то, что еще не отформатировано, еще не измерено, еще не социализировано, еще не включено в метрологические цепи, еще не покрыто, не обследовано, не мобилизовано или не субъективировано». «Оно не скрыто, оно просто неизвестно»¹. Нам необходимо «придерживаться нового понимания социального как потока, доступного наблюдению только в процессе создания новых ассоциаций». Плазма, текучесть, изменчивость – это осознание социального, которое еще не раскрыто и не покрыто сетями. Основание и среда для социальных структур текуча и изменчива. Как видим, в «океане неопределенности» социального появляются такие острова стабильности как структуры, системы, группы, классы.

1.3. Акторно-сетевая концепция Джона Ло

Другой родоначальник АСТ - ланкастерский социальный теоретик Джон Ло предлагает немного другой путь к интересующему нас теоретическому вопросу. Дополнение ланкастерского теоретика заключается в добавлении топологической метафоры и особом акценте на множественности пространств.² Сеть существует в топологической «форме пространственности» и видоизменение сетей отношений влечет изменение форм пространственностей.

¹ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

² Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «поток» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.

Объекты и пространства основываются вместе и таким образом, оказываются топологически взаимозависимыми¹

Джон Ло родился 16 мая 1946 года. В настоящее время он является профессором социальных наук в Открытом университете при Королеве Великобритании. Кроме того, он - один из директоров ESRC финансируемых Центром исследований социокультурных изменений. Джон Ло является не только основоположником акторно-сетевой, но и представил наиболее глубокую теорию АСТ.

Его подход в акторно-сетевой концепции подразумевает, что все элементы таких структур (будь то люди, артефакты, животные и др.) формируют сеть отношений, которые могут быть описаны в одних тех же терминах. Теория может быть квалифицирована как подход «материально-семиотический». Джон Ло пытается нанести на одну и ту же карту такие отношения, которые являются и «материальными» (между вещами) и «семиотическими» (между понятиями).

Акторно-сетевая теория предлагает рассматривать общество и окружающую его среду как одну общую систему. В современной социальной символике эта теория является как самой популярной, так и самой спорной. Эту самую неоднозначность показывает и сам Ло, когда сравнивает свою теорию и теорию Фуко (подробнее будет описано в следующих абзацах, здесь скажу только то, что противоречие акторно-сетевой теории следующее: с одной стороны, эта теоретическая концепция позволяет освободиться от границ современности, с другой – может рассматриваться в качестве «одной из форм слепоты»).

В своей основной работе «Объекты и пространства» Джон Ло представляет основные положения акторно-сетевой теории. Первое, о чем пишет автор – о понимании объекта. Объекты – «это производные некоторых

¹ Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Инсти- тута Гайдара, 2015.

устойчивых множеств или сетей отношений». В этой же работе автор отмечает, что акторно-сетевая традиция обязана своим развитием семиотике - науке о понятиях. Стоит отметить, что семиотика со своими теориями соотношений понятий является одной из основных составляющих АСТ. Вообще, таких составляющих две: семиотика в качестве понятийного аппарата и материальный подход как способ описания отношений между вещами.

Материальный подход, по словам Ло, схож с пониманием М. Фуко «глубинных стратегиях». «Речь, тела, жесты и материалы - вроде зданий, кораблей, самолетов или огнестрельного оружия – все рассматривается как проявление стратегической логики, все участвует в поддержании всего. Все создано отношениями и участвует в их создании». Но, несмотря на явную схожесть этих подходов, акторно-сетевая концепция имеет свои индивидуальные особенности. Одной из основных является то, что акторно-сетевая теория не ограничивается определенным количеством способов упорядочивания стратегий. Джон Ло объясняет это тем, что эти самые стратегии могут ограничиваться лишь случайностью, а так как случайность может принять бесконечное число обликов, то и определенного количества систематизаций стратегий просто не существует.

Это противоречие, которое заключается в поисках чего-то неизвестного, Ло называет «инаковостью». И при анализе этой инаковости следует соблюдать несколько правил:

1. Объекты являются следствием пространства, а пространство, в свою очередь, делится на формы пространственности;
2. Объекты не только появляются из пространства, но определяют пространственность;
3. Несмотря на тесную взаимосвязь пространственностей и объектов, их составляющих, эти два феномена плохо совместимы и находятся в постоянном противоречии.

Свой анализ на основе акторно-сетевой концепции Ло представляет на примере португальского флота. По его словам, отдельный корабль можно рассматривать как сеть всех его технических деталей: паруса, палубы, руля, самой команды и т.д. Кроме того, в качестве сети может выступать так и более высокая категория – весь португальский флот. Такую систематизацию можно продолжать вплоть до того момента, пока мы не дойдем до высшей категории обобщения. Сеть будет устойчива до тех пор, пока объекты взаимодействуют между собой. Акторно-сетевой анализ служит для того, чтобы определить место этого самого корабля (или отдельных его частей) в системе всех объектов, в котором он (они) взаимодействует(ют). Взаимодействие же этих систем, которые состоят из объектов, составляют пространственности, которые, по словам Ло, «осели в вещах». Это лишь первая стадия пространственностей, вторая – сети, которые определяют создание регионов. Здесь речь идет, в первую очередь, о том, что все – сети, регионы – не появились из неоткуда, но возникли посредством производства на протяжении всей истории. Регионы могут возникать только в евклидовом пространстве, однако не стоит забывать, что пространство вообще не ограничивается евклидовой геометрией (это объясняется тем, что при изменении объекта в одном пространстве, он меняется в другом, изменяя тем самым и пространство, в котором находится).

Возвращаясь к возникшему противоречию между объектами и пространственностями, Ло объясняет, почему они так тяжело уживаются друг с другом. Ответ прост: пространственности носят текучий характер, объекты же – статический. Пространственности составляют потоки пространственностей, которые перетекают одна в другую. Здесь и проявляется эта инаковость, объекты составляют пространственности, однако по своей природе они противоположны.

ГЛАВА 2 РОЛЬ АКТОРНО-СЕТЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИИ

2.1 Акторно-сетевая концепция в исследовании науки и технологии

Рассмотрим вклад АСТ в исследования науки и технологии, что позволит обновить анализ определенных классических проблем в социальной теории.

1. Технонауки пересмотренные АСТ: социотехнические сети. Вышедшие в 1970-х из социологии научного знания, «исследования науки» пытаются, на основе эмпирического исследования, объяснить процесс, в ходе которого создаются научные факты и технические артефакты, а отсюда понять то, каким образом устанавливается их достоверность и сила, и каким образом они распространяются.

Это привело к возникновению двух основных подходов. Один из них остался верным проекту, нацеленному на то, чтобы дать социальное объяснение содержанию науки и технологии¹. Второй подход, представленный АСТ, отверг эту возможность и начал долгосрочный проект по переопределению самого объекта социальных наук.

Для основателей АСТ социальное объяснение научных фактов и технических артефактов это тупик. «Социальное объяснение означает, что то-то может заменить какой-то объект, принадлежащий природе, другим объектом, принадлежащим обществу»². Таким образом, предполагается, что научный факт формируется под воздействием интересов, идеологий и так далее, а технический артефакт кристаллизует и овеществляет отношения господства или власти. Теперь, как показывают исследования научных

¹ Callon M. 1992 The dynamics of techno-economic networks. In: Coombs R., Saviotti P., Walsh V. (eds.) Technological Change and Company Strategies. Academic Press, London, pp. 72-102

² Latour B., Callon M. La science telle qu'elle se fait: anthologie de la sociologie des sciences de langue anglaise. P.: Pandore, 1982

практик в лаборатории и разработки технических артефактов, эта концепция, в которой природа растворяется в обществе, является не более убедительной, чем более традиционная и осмотрительная концепция, в которой природа и общество полностью отделены друг от друга.¹

Зайдем в лабораторию, чтобы понаблюдать, как работают исследователи и техники. Лаборатория это искусственная среда (setting), где проводятся эксперименты. Объекты, на которых ставятся эксперименты, такие как электроны, нейтрино или гены должны быть помещены в ситуацию, в которой от них ожидают реакции или проявления непокорства. То, что мотивирует ученых ставить эксперименты, так это возможность представить несоответствие между тем, что, как говорят, делает сущность и тем, что она действительно делает. Это ставит вопрос о загадочном соответствии между словами и вещами, между тем, что заявляется о вещах, и чем они оказываются.

На этот классический философский вопрос АСТ дает оригинальный ответ, основанный на понятии записи². Записи – это фотографии, карты, графики, диаграммы, фильмы, акустические и электрические записи, непосредственные визуальные наблюдения, зафиксированные в лабораторном журнале, иллюстрации, трехмерные модели, спектры звуковых частот, ультразвуковые изображения, или рентгеновские лучи, упорядоченные и отобранные при помощи геометрических техник. Все эти записи производятся при помощи инструментов. Работа исследователя состоит в проведении экспериментов таким образом, чтобы можно было заставить исследуемые сущности «писать» в форме этих записей, и потом в комбинировании, сравнении интерпретации этих

¹ International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Elsevier Science Ltd., 2001. pp. 62-66

² Latour B., Woolgar S. 1986 Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton University Press, Princeton, NJ

записей. По результатам этих последовательных переводов можно делать утверждения о сущностях, которые подверглись экспериментам.

Запись имеет две стороны. С одной стороны она относится к сущности (например, электрону, гену, нейтрину), а с другой – посредством комбинирования с другими следами или записями, она касается пропозиций, которые тестируют коллеги. Вместо того, чтобы постулировать разделение между словами и вещами, АСТ прослеживает распространение созданных в лаборатории следов и записей, которые артикулируют слова и вещи. Анализ этой артикуляции приводит к двум дополняющим друг друга концептам: сеть и циркуляция.

Циркуляцию следует понимать в традиционном смысле. Карта, нарисованная геологом, основывающаяся на полевых данных; фотографии, используемые для того, чтобы проследить траектории, определяемые детекторами в ускорителе частиц; ряды разноцветных полосок на хроматограмме; таблицы социальной мобильности, составленные социологами; статьи и книги, написанные исследователями: все это циркулирует между одной лабораторией и другой, между исследовательским центром и производством, и между лабораторией и экспертной комиссией, которая потом направляет все это тому, кто принимает политические решения. Когда исследователь получает статью, написанную коллегой, частицы, гены и протеины, которыми манипулирует этот коллега в его или ее лаборатории, присутствуют на столе исследователя в форме таблиц, диаграмм и утверждений, основанных на записях, сделанных благодаря инструментам. Сходным образом, когда те, кто принимает политические решения, читают отчет, в котором утверждается, что выхлопные газы дизельных двигателей являются причиной загрязнения городской среды и глобального потепления, они имеют перед собой двигатели и атмосферные слои, которые вызывают глобальное потепление.

Мы, таким образом, уходим от классической эпистемологии, которая противопоставляет мир утверждений с одной стороны, а с другой - предположительно «иной» мир вещей (более или менее реальный), к которому утверждения отсылают, и который в некотором смысле составляет контекст этих суждений. Референты не размещаются за пределами мира утверждений; они передаются вместе с ними и с записями, от которых они были произведены.

Циркулируя, записи артикулируют сеть, которая характеризуется как социотехническая из-за ее гибридной природы¹.

Социотехническая сеть, которой принадлежит утверждение «дыра в озоновом слое увеличивается», состоит из лабораторий, которые естественно или опосредованно работают над этой темой, природоохранные движения, правительства, которые создают международные саммиты, отрасли химической промышленности, которые относятся к этой проблеме, парламенты, которые утверждают законы, так и химические вещества и то влияние, которое они оказывают, и атмосферные слои, имеющие отношение к проблеме. Утверждение «озоновый слой исчезает из-за использования аэрозолей» соединяет все эти элементы вместе, человеческие и нечеловеческие. В определенных точках этих сетей мы обнаруживаем центры перевода, которые извлекают выгоду из всех этих записей и утверждений. Записи – это информация и как следствие эти центры могут действовать на расстоянии на элементы, не вовлекая их в сети полностью. Но записи могут быть также накоплены и скомбинированы: создаются новые непредвиденные соединения, что объясняет, почему центры перевода наделены способностью к стратегическому и исчисляемому действию; они могут представлять себе определенные состояния мира (например, без дыры в озоновом

¹ Latour B., Woolgar S. 1986 Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton University Press, Princeton, NJ

слое), и определять и мобилизовывать элементы, с которыми необходимо взаимодействовать, чтобы достичь желаемого состояния мира. Такое стратегическое действие возможно только потому, что существуют социотехнические сети. Актор и сеть это две стороны одной и той же реальности: отсюда и понятие акторской сети. Упаковывая коллективное действие в черные ящики, технология может быть проанализирована таким же образом.

Социологическое объяснение технических артефактов вызывает такие же трудности, как и социальное объяснение научных фактов. Еще раз, именно благодаря тому, что АСТ отбрасывает идею а priori определенного общества и заменяет ее социотехническими сетями, ей удается избежать выбора между социологическим редукционизмом с одной стороны, и постулированием великого разлома между технологиями и обществами – с другой.

Рассмотрим такой обычный артефакт как автомобиль. Феноменальный успех автомобиля, вероятно, связан с тем фактом, что он позволяет пользователям расширять радиус и разнообразие действий, которые они могут успешно предпринять, давая им свободу путешествовать, без необходимости зависеть от кого-либо еще. Таким образом, автономные пользователи, наделенные способностью решать, куда они хотят поехать, и ехать так, как они этого желают, и когда они этого желают, «записаны» в самом техническом артефакте, автомобиле¹. Парадоксальным образом автономность водителя проистекает из того факта, что функционирование автомобиля зависит от того, что он является всего лишь одним из элементов в большой социотехнической сети. Для того чтобы функционировать, ему нужны: дорожная инфраструктура с автомастерскими; компании, управляющие скоростными магистралями;

¹ Akrich M. The description of technical objects. In: Bijker W., Law J. (eds.) *Shaping Technology / Building* 1992

автомобилестроительная промышленность; сеть гаражей и дистрибьюторов топлива; особые налоги; школы вождения; правила дорожного движения; дорожная полиция; центры, оценивающие пригодность автомобиля к эксплуатации; законы и т.д. Автомобиль, таким образом, является центром паутины (web) отношений, связывающих гетерогенные сущности, центром сети, которая может быть квалифицирована как социотехническая, поскольку она состоит из людей и не-людей¹.

Эта сеть активна, что опять же оправдывает термин «акторская сеть». Все люди и нелюди, составляющие эту сеть, участвуют в коллективном действии, которое пользователь должен мобилизовать всякий раз, когда он или она едет на своем автомобиле. В некотором смысле актер смешивается с сетью, которая определяет, чем он или она является (водитель-который-определяет-пункт-назначения-и-маршрут), и что он или она может делать.

Когда водитель поворачивает ключ зажигания в автомобиле «Ниссан», что бы поехать увидеться на праздниках с друзьями на Женевском озере, водитель не просто заводит мотор, но запускает превосходно скоординированное коллективное действие. Это действие включает в себя: нефтяные компании, которые перерабатывают нефть, продают бензин и строят заправочные станции; инженеров, которые разрабатывают цилиндры и клапаны; станки и рабочих, которые собрали транспортное средство; рабочих, которые уложили асфальт; тугоплавкую сталь; резину покрышек, которая держит сцепление с мокрой дорогой;

¹ Callon M. 1992 The dynamics of techno-economic networks. In: Coombs R., Saviotti P., Walsh V. (eds.) Technological Change and Company Strategies. Academic Press, London, pp. 72-102

Callon M., Law J. et al. (eds.) 1986 Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World. Macmillan, London

светофоры, которые регулируют движение и так далее. Мы можем рассмотреть каждый элемент социотехнической сети, чтобы показать, что он, будучи человеческим или нечеловеческим, вносит свой вклад в то, чтобы автомобиль оказался на дороге. Этот вклад, который был постепенно фреймирован в ходе создания социотехнической сети, не может быть редуцирован к чисто инструментальному измерению. В своем исследовании технологической инновации АСТ подчеркивает способность всех сущностей, особенно нечеловеческих, действовать и взаимодействовать особым образом с другими людьми и не-людьми. Автомобиль – и это то, что определяет его как технический артефакт – делает возможным использовать в некотором месте и в некоторый момент времени большое количество гетерогенных элементов, которые молчаливо и невидимо участвуют в транспортировке водителя. Мы можем назвать эти элементы «актантами», термином, заимствованным из семиотики, подчеркивающим активную природу сущностей, составляющих сеть. Мы можем также сказать, что это коллективное действие было упаковано в черный ящик в форме артефакта – в данном случае, автомобиля. Когда он движется, движется вся сеть.

Иногда, однако, черные ящики распахиваются. Таким образом, когда случаются поломки или аварии, роль этих актантов становится отчетливо видимой: перевозчики бензина забастовали; на Ближнем Востоке вспыхнула война; дорога разрушилась; налоги привели к такому повышению цен на бензин, которое считается неприемлемым; стандарты окружающей среды ограничивают использование двигателей внутреннего сгорания; скопление водителей тормозит движение; сплавы ломаются, поскольку они не достаточно устойчивы к коррозии; корпуса автомобилей испариваются при столкновении. В этих случаях коллективное действие становится видимым, и раскрываются все актанты, которые вносят свой вклад в индивидуальное и произвольное действие водителя (Jasanoff, 1994. Wynne, 1988). Но именно в

ходе исторического конституирования этих социотехнических сетей, то есть в ходе концептуализации, разработки и распространения новых технических артефактов, все эти переговоры и подстройки между человеческими и нечеловеческими актантами, предшествующие упаковке в черные ящики, проявляются наиболее четко. И именно на такие процессы конституирования АСТ обращает свое внимание.

В тех случаях, когда дело касается одновременно науки и технологии, понятие социотехнической сети находится в самом центре анализа. АСТ приложила значительные усилия для анализа процессов конструирования и расширения этих сетей. Такие концепты как «перевод», «заинтересовывание» (*interessement*) (термин, позаимствованный из французского языка) и «представитель» были разработаны, чтобы объяснить поступательное конституирование этих гетерогенных ансамблей (Callon, 1986). Для того чтобы объяснить и научные факты, и технические артефакты АСТ отказывается прибегать к чисто социальному объяснению, потому что АСТ заменяет чистоту научных фактов и технических артефактов гибридной реальностью составленной из последовательных переводов. Эти сети можно охарактеризовать по их длине, стабильности и уровню гетерогенности¹. Такая точка зрения неизбежно бросает вызов традиционным концепциям социального, и этот вопрос мы сейчас рассмотрим.

2.2. Создавая гибридные коллективы.

Для АСТ общество должно быть построено, сделано, конституировано, установлено, поддерживаемо и собрано. В этом утверждении как таковом нет ничего нового; оно разделяется многими течениями конструктивизма. Но АСТ отличается от этих подходов тем, какую роль она приписывает нечеловекам в построении общества. С традиционной точки зрения

¹ Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken // Sciences as Practice and Culture / A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 301– 326.

вещи несомненно присутствуют, но это присутствие напоминает наличие мебели в доме буржуа. В лучшем случае, когда эти не-человеки принимают форму технических артефактов, они необходимы для повседневной жизни, которую они облегчают; в худшем – когда они представлены в форме утверждений, отсылающих к таким сущностям как гены, кварки или черные дыры, они составляют элементы контекста, фрейм действия. В той степени, в которой их рассматривают в качестве находящихся вне социального коллектива или в качестве инструментализованных им, не-человеки находятся в подчиненном положении. Сходным образом, когда предметом анализа являются институты, организации или правила и процедуры, социальные исследователи полагают, что эти надындивидуальные реальности являются человеческими творениями, как и технические артефакты, которые дополняют повседневную жизнь. Социальные науки базируются на этом великом разломе между людьми и не-людьми, этой онтологической асимметрии, которая проводит границу между социальным и несоциальным.

Однако последние два десятилетия исследований науки и технологии привели к тому, что это разделение было подвергнуто сомнению. Более того, как мы увидели, в лаборатории не-человеки могут действовать, и именно потому, что они действуют, их можно заставить писать и исследователь может стать их представителем. Сходным образом, технические артефакты могут быть проанализированы как устройства, которые в некотором смысле всегда временно извлекают выгоду из множества актантов. Общество сконструировано из деятельности людей и не-людей, которые остаются в равной степени активными, и которые были переведены, ассоциированы и связаны друг с другом во временные и изменяющиеся конфигурации. Таким образом, понятие общества составленного из людей заменяется понятием

коллектива, составленного из людей и не-людей¹. Это замена имеет множество следствий. Мы обратимся к одному примеру, связанному с различением макро и микро уровней, которое было заменено различением фреймированных и сопряженных локальностей.

Существует ли микро уровень? Ответ кажется очевидным. Когда наш автолюбитель ругается с другим автолюбителем, который отказался уступить ему дорогу, или когда он получает штраф, он вступает во взаимодействие с другими прекрасно идентифицируемыми индивидуальными акторами. По большому счету ничего кроме интеракций между индивидами не наблюдается. Однако представляется трудным просто оставить за скобками такие реальности как институции или организации, которые явным образом придают форму и ограничивают поведение индивидуальных агентов, даже когда их рассматривают в качестве непреднамеренного результата сложение множества индивидуальных действий. Для того чтобы обойти это препятствие (и привычное решение, описывающее действие как одновременно структурирующее и структурированное), АСТ вводит понятие локальности, которая определяется одновременно как фреймированная и как сопряженная.

Такие взаимодействия, как между автолюбителями, которые ругаются друг с другом после аварии, или между ними и полицейским, который прибыл на место происшествия, происходят в некотором фрейме, который удерживает их вместе. Другими словами, нет взаимодействий без фреймирования, которое бы локализовало их. Режим фреймирования, исследованный АСТ, расширяет тот режим, что был проанализирован Гофманом, подчеркивая активную роль не-человеков, которые предотвращают несвоевременное переполнение [взаимодействия]. Окружающие автолюбителей и автоинспекторов не-

¹ Latour B. One More Turn after the Social Turn: Easing Science Studies into the NonModern World //The Social Dimensions of Science / E. McMullin (ed.). Notre Dame, IN: Notre Dame University Press, 1992.

человеки, помогают им разворачивать свои аргументы о том, как произошла авария. Без перекрестка, без сигналов светофора, которые были проигнорированы, без правил дорожного движения, которые бы запрещали определенное поведение, без сплошных линий, которые материализуют полосы движения, и без собственно автомобилей, которые предписывают и позволяют осуществлять определенные действия, взаимодействие было бы невозможным, поскольку акторы не смогли бы придать событию никакого смысла, и, прежде всего, не смогли бы обозначить его пределы и квалифицировать инцидент как таковой.

Этот процесс фреймирования, который ограничивает взаимодействия, не позволяя им переполняться, одновременно является и механизмом сопряжения. Он определяет место (место взаимодействия), и в то же самое время сопрягает его с другими местами (где произошли похожие или непохожие аварии, куда полицейские едут писать рапорты, где эти рапорты оказываются и т.д.). Все элементы, которые участвуют во взаимодействии и фреймируют его, устанавливают такие сопряжения для самих себя. Автолюбитель, к примеру, мог бы сослаться на заводской дефект, небрежность механика автомастерской, проблемы с сигналами светофора, плохое состояние дорог, недостаточную подготовку автоинспектора и т.д.

Неожиданно круг актантов, имеющих отношение к данной ситуации, стал существенно шире. Посредством действий автоинспектора, автомобиля и дорожной инфраструктуры, которые все вместе фреймируют взаимодействие и его последствия, с локальностями аварии ассоциируются другие локальности: множество мест, где действуют производители автомобилей, сети владельцев гаражей, дорожные службы, полицейские школы. Вместо микроструктур, теперь есть фреймированные взаимодействия; вместо макроструктур – сопряженные локальности, поскольку фреймирование это также сопряжение. Благодаря этому

подходу при объяснении того, как создаются асимметрии, т.е. отношения власти между локальностями, можно избежать докучливой гипотезы о различных уровнях. Чем больше одно место сопряжено с другими местами посредством науки и технологии, тем выше его способность к мобилизации. Центры перевода, где сосредотачиваются записи и утверждения, обеспечивают доступ к большому количеству удаленных и гетерогенных сущностей. Технические артефакты, присутствующие в удаленных местах, обеспечивают делегирование на расстоянии действия, которое было решено предпринять в центре перевода. На основании отчетов и результатов экспериментов, которые им были получены, правительство может, например, принять решение о сокращении выбросов углекислого газа до определенного уровня. Как центр перевода оно занимает позицию, в которой можно установить сопряжение между функционированием двигателей и уровнем загрязнения или глобальным потеплением. Оно видит сущности, которые не может видеть или собрать никто другой. Однако исполнение этого решения, предполагает, среди прочего, создание центров по контролю за загрязнением и мобилизацию автоинспекторов на то, чтобы они проверяли результаты тестов, которые должны были быть пройдены, и, если необходимо, штрафовать автолюбителей на основании закона, который принял парламент. Таким образом, решение центра перевода мобилизует большое количество человеческих и нечеловеческих сущностей, которые принимают активное участие в этом коллективном и распределенном действии. Также как автолюбитель приводит в движение всю социотехническую сеть, поворачивая ключ в замке зажигания, так же и министр по охране окружающей среды приводит в движение тщательно сконструированную и настроенную сеть, приняв решение бороться с загрязнением. Тот факт, что одно место может иметь доступ к другим местам

и воздействовать на них, что оно может быть центром перевода и центром действия на расстоянии – короче говоря, что оно может обобщить целые социотехнические сети – объясняет асимметрию, которую как полагалось, описывало различие между [микро и макро] уровнями.

2.3. АСТ: открытая строительная площадка.

АСТ – это открытая строительная площадка, а не завершенная и замкнутая конструкция. Сама по себе она в большей степени является инспирирующим фреймом, чем ограничивающей теоретической системой (Star and Griesemer 1989, Singleton and Michael 1993, Star 1991, Lee and Brown 1994, Mol and Law 1994)¹. Более того, многие моменты остаются спорными. Анализ действия, осуществленный в рамках данной теории (и, в частности, постулированная им симметрия между людьми и не-людьми), подвергся жесткой критике².

Для АСТ принцип симметрии это не метафизическое утверждение, но методологический выбор, который способствует проведению эмпирического изучения различных модальностей деятельности – от стратегического до машиноподобного действия. Во всех случаях действие рассматривается как распределенное, а формы, которые оно принимает, связываются с конфигурацией социотехнических сетей. Таким образом, преодолевается оппозиция между структурой и действием. В 1990-х исследователи, инспирированные АСТ, приходят в такие новые области, как исследования организаций и изучение

¹ Star S. L. 1991 Power, technologies and the phenomenology of conventions: On being allergic to onions. In: Law J. (ed.) A Sociology of Monsters. Essays on Power, Technology and Domination. Routledge, London, pp. 26-56

² Law J., Hassard J. (eds.) 1999 Actor Network Theory and After. Blackwell, Oxford, UK

формирования субъективности и конструирования личности¹. Включив не-человеков в коллективы, АСТ пытается анализировать то, каким образом социализированные вещи принимают участие, в частности посредством одушевленных тел, в создании субъективностей.

Параллельно работе посвященной роли точных наук и технологии в конструировании коллективов, АСТ также анализирует вклад социальных наук в создание общества. В этой теории отмечается, что социальные науки не могут более довольствоваться тем, чтобы просто анализировать предполагаемое общество так, как естественные науки могут довольствоваться описанием предполагаемой природы. Это положение было в развернутом виде доказано относительно экономики. Если мы возьмем расширенное определение экономики, включающее бухгалтерский учет, маркетинг, менеджмент и т.д., то становится возможным исследовать то, как социальная наука (здесь, экономика) помогает форматировать рынки и экономических агентов, таким образом, что современные организованные рынки оказываются встроенными в экономику². Это подход, распространенный на другие социальные науки, такие как социология, психология, антропология или политическая наука должен способствовать лучшему пониманию процесса, посредством которого общество стремится думать о своем отличии от окружающей среды и о своей внутренней дифференциации. Отказываясь мириться, на методологическом уровне, с великими разломами, которые постулируют науки (как естественные, так и социальные), АСТ занимает позицию, которая позволяет объяснять, на теоретическом уровне, роль наук в конструировании и изменении этих разломов.

¹ Law J. 1992 Notes on the theory of the actor network theory: Ordering, strategy and heterogeneity. *Systems Practice* 5: 379-93

Law J. 1994 *Organizing Modernities*. Blackwell, Oxford, UK

² Callon M. (ed.) 1998 *The Laws of the Markets*. Blackwell, London

ГЛАВА 3 ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

3.1. Сетевая парадигма и стратегия национального развития в современном миропорядке на примере Армении

На сегодня мы становимся свидетелями становления и развития глубинных процессов, затрагивающих не только формирование качественно новой конъюнктуры мировой политической системы, но и более глубокие изменения цивилизационного и социо-культурного характера. Сущностный анализ данных процессов имеет как сугубо научно-исследовательский интерес, так и обладает огромной практико-политической направленностью, к примеру, для таких стран, как Армения, находящихся на стадии своего становления как субъекта современной мировой геополитики и международных отношений, определения своего историко-политического пути и вектора развития.

В современном сообществе теоретиков международных отношений, политологов, и политиков-практиков все более возрастает осознание того, что структура, содержание и тенденции будущей мировой политической системы требуют новой, отличной от неолиберал-глобализационной, парадигмы и логики осмысления и интерпретации. Как отмечает исследователь Рачья Арзуманян, «можно говорить о некотором своеобразии нарождающейся эпохи, когда разработка философских и концептуальных основ нового мира происходит параллельно с самими изменениями» [1]. Существует достаточное количество концепций и идеологических конструкций, пытающихся объяснить «пост-неолиберал-глобализационную» сущность и тенденции развития и формирования парадигмы современного мира. Среди них теории и концепции «постиндустриального общества», «общества постмодерна», «информационного общества», концепция «постисторического общества», развивающая идею «конца истории» Ф.Фукуямы, и многие другие. Знающему исследователю очевидно, что,

несмотря на определенные различия в названиях и незначительную разницу в интерпретациях, все эти концепции развивают единую логику неолиберал-глобализационной парадигмы и не выходят за ее рамки. Различия же касаются, главным образом, нахождения субстанциональных основ для объяснения парадигмальных изменений, имеющих место с периода завершения классической стадии индустриального общества и олицетворяющего его «индустриального государства» в период последней четверти XX в. Одни исследователи берут за отправную точку так называемую «информационную революцию», другие – абсолютную историческую предопределенность неолиберализма, капиталистических отношений и свободного рынка в качестве социо-политической и культурно-философской парадигмы современного общества, и, наконец, третьи – крах классического индустриального этатизма (в частности, коллапс его последнего бастиона – Советского Союза) в лице суверенного национального государства. Среди вышеотмеченных концепций особое место занимает концепция «сетевого общества» или «сетевой организации». Из всех теорий она, возможно, наиболее близко подошла к объяснению сущности глубинных изменений в современном мире, разворачивающихся на всех пластах его социо-политического, информационно-технологического, культурно-философского и духовного бытия. Согласно авторам данной концепции, основным фактором, определяющим современное общество, является информационная парадигма, детерминирующая его структуру и содержание, и основывающаяся на «сетевой логике» самоорганизации и функционирования. Так как раскрытию и интерпретации сути данной концепции уже посвящено неисчислимое количество трудов и исследований, здесь не имеет смысла вновь обращаться к данному вопросу, что существенно изменит формат данной статьи. В интересующем же нас ракурсе отметим, что согласно концепции, суть парадигмы современного общества лежит в так называемой «информационной революции», имевшей

место примерно в 70-х годах прошлого столетия, связанной с изобретением новейших информационных технологий, созданием Интернета, персонального компьютера, новейших средств массовой коммуникации и т.д., радикально изменивших сущность и содержание нашего бытия. В основе же информационной парадигмы, информационного бытия лежит «Сеть», сетевая логика функционирования и самоорганизации. Согласно исследователям, под «Сетью» понимается децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов открытого типа, способный неограниченно расширяться путем включения все новых и новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность. Как отмечает один из крупнейших исследователей данной тематики М.Кастельс, широкое распространение информационных технологий привело к переносу логики сетевой архитектуры на всю социальную структуру современного общества, которая не контролируется из некоего центра и состоит из тысяч автономных сетей, имеющих бесчисленные пути связи, обходящие различные препятствия. В этом плане, с концом эпохи индустриализма и даже постиндустриализма, с крахом биполярной международной геополитической системы, с наступлением эпохи «внепарадигмальности», «безсубстанциональности» и всеобщего структурного хаоса именно сетевая архитектура претендует на парадигмальное объяснение и структурирование современного общества, ибо «сетевая логика нужна для структурирования неструктурированного при сохранении в то же время гибкости», так как «морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым модулям развития». Однако, как и любая другая серьезная концепция, тем более пытающаяся объяснить такое сложное и неоднородное явление, как сущность и парадигмальность современного общества, парадигма сетевой организации имеет внутри себя несколько концептуальных направлений, порою существенно отличающихся в своей интерпретации. Центральными понятиями концепции являются «децентрализованность», «совокупность

взаимозависимых узлов», «отсутствие системных ограничений и преград», «неструктурированность», «отсутствие иерархии» и т.п. При экстраполяции данных положений на социально-политическую действительность как на внутривнутриполитическом, так и на международном уровне получается некая атомарная, внесистемная и внеструктурная архитектура политического бытия. Именно данные положения акцентируют сторонники одного из направлений, рассматривая парадигму современного миропорядка, в которой отсутствует всякая системность на всех пластах и уровнях организации, размываются и в будущем исчезнут границы национальных государств, теряют актуальность понятия национальной идентичности и государственного суверенитета, где все социально-политические акторы – от атомарного социального субъекта, бизнесмена-транснационала до транснациональной корпорации и целого суверенного государства – равноценны и равнозначны в качестве самостоятельных и самодостаточных узлов в горизонтальной архитектонике современного сетевого бытия. И все это, конечно же, материально и экзистенциально обслуживается и поддерживается прогрессирующим развитием и распространением информационных технологий. Как видим, в данном подходе почти в слово повторяется сущность неолиберал-глобализационной парадигмы современного миропорядка. Именно логику концепции «сетевой организации» взяли на вооружение современные идеологи постмодернизма, концептуально теоретически и структурно функционально вооружая концепцию глобализации и современные неолиберал-глобализационные процессы. Сторонников данного направления, умело экстраполировавших логику сетевой организации на концепт неолиберал-глобализации, можно объединить в теоретическую группу постмодернистско - неолиберальной версии . Не углубляясь в суть данной интерпретации, отметим лишь, что краеугольной, «священной» категорией данного подхода является тезис о конце государства. Новая парадигма современного общества возвещает

эпоху конца государства, являвшегося центральным системообразующим элементом всех «классических» и «индустриальных» эпох социополитического миропорядка, начало процесса отмирания национальной идентичности и принципов государственного суверенитета в качестве рудиментарных, превращая национальное государство всего лишь в один из институциональных (и при этом, наименее эффективно функционирующих) узлов современной сетевой глобальной архитектуры. Проблема современного информационного общества и концепция «сетевой организации» также подверглись аналитическому развитию и разработке в среде армянского исследовательского сообщества и в экспертных кругах, что чрезвычайно важно для пребывания в «тренде» современного политологического дискурса и выработки адекватной стратегии развития в кардинально изменяющемся мире. Однако, будучи характерной практически для всех периферийных стран так называемой «транзитной» либерал-демократии, в Армении также получила развитие именно рассматриваемая выше, определенная нами как «постмодернистско-неолиберальная», версия сетевой парадигмы, которая крайне акцентирует лишь поверхностную сущность современных трансформаций, не выходя за рамки классических неолиберальных тезисов. И в частности ее главный тезис – о «конце государства». В данном контексте хотелось бы рассмотреть, насколько релевантны данные тенденции к армянской политической действительности, в условиях, к примеру, когда одна часть армянской нации в Арцахе продолжает вести сложнейшую политико-идеологическую борьбу за фактическое становление и утверждение собственной национальной государственности, а сама Армения находится на стадии «рутинной борьбы» за поиск и утверждение собственной историко-политической и социокультурной парадигмы, находясь в сложнейшей геополитической среде и имея конфликтную конфигурацию взаимоотношений практически со всеми своими соседями? И, наконец, как все это соотносится с широко

постулируемой концепцией о так называемом едином «армянском мире»? Как утверждают апологеты концепции «армянского мира», «в постиндустриальном мире, в соответствии с новой философией и онтологией, мы должны, прежде всего, актуализировать наши конкурентные преимущества в сетевых формах самоорганизации. У нас есть шанс не остаться на периферии истории, а сотворить новую сетевую цивилизацию – Армянский мир. Армянство можно рассматривать, как национальную сеть». Сюда следует добавить также следующее положение: «С окончанием формирования постиндустриального общества бюрократическому государству, в основных его проявлениях, придет конец». Свидетельством чему приводятся уже ставшие тривиальными современные мировые процессы, среди которых, «ставящий под сомнение вопрос о необходимости государства – разумеется, глобализация». Несмотря на важность затрагиваемой тематики и актуальность изложенного дискурса, очень сложно себе представить практическое воплощение данной стратегии национального развития. Фактически, речь идет о создании некой абстрактной «национальной сетевой организации», притом в своей сути основывающейся непонятным образом на информационных и компьютерных сетевых технологиях, без привязанности к конкретному национальному государству и национальным интересам, рассматриваемым как некие архаические проявления. При этом в качестве исторического примера приводится деятельность армянской церкви по сохранению национальной организации и целостности в условиях отсутствия государственности. «История свидетельствует, что после потери государственности, армяне продемонстрировали миру альтернативную форму самоорганизации, обеспечившую им существование как нации до сегодняшнего дня. Эту функцию выполняла церковь. Причем методы и форма организации, которые использовала церковь, соответствовала логике сетевой организации. При этом опускается то, что в рассматриваемый исторический период

деятельности армянской церкви стержневой и стратегической задачей, так называемой национальной сетевой организации в условиях логики национально-освободительной борьбы было не что иное, как восстановление собственной национальной государственности. То есть именно единая национальная идея, общий национальный интерес, наконец, идея единой национальной государственности, а не какие-либо иные аморфные космополитические и без- (или над-) государственные, то есть беспочвенные идеи были стержневыми в организации «национальной сети» в данный исторический период. На сегодняшний день в кругах экспертов и в крупных аналитических сообществах все большее распространение получает другая версия осмысления современных мировых процессов в рамках логики сетевой парадигмы. Данная тенденция во многом становится очевидной самим развитием и анализом глубинных основ разворачивающихся процессов в системе современного мироустройства, и тем фактом, что основные постулаты постмодернистско-неолиберальной инверсии неактуальны и нерелевантны к сути происходящих изменений. Сторонников данной тенденции условно можно отнести к группе рационально - аналитической версии, так как данный подход анализирует реальное содержание современных процессов и изменений, не отрываясь от ее сути, преподнося желаемое за действительное. В другом ракурсе, данную версию можно характеризовать и как националистскую, в вопросе о «национальной сети», сути ее самоорганизации и логике функционирования, так как в ходе рассмотрения вопроса она не отрицает концепт национального как такового, но интегрирует его в современную глобальную миросистему. Данный подход на основе детального анализа современных процессов пытается снять противоречие между объективностью существования национального суверенного государства и глобальным миропорядком, с одной стороны, и национальным государством как системообразующим элементом мировой политической системы и логикой сетевой

самоорганизации современного общества – с другой. Многие исследователи, придерживающиеся данной точки зрения, вопреки общепринятому мнению пришли к выводу, что именно текущие глобальные процессы, напротив, ведут к концентрации национально государственного суверенитета и централизации суверенной политической власти как необходимого условия реального участия в глобальной политической системе и процессах. И что именно государство является основным генератором глобализационных процессов и образующим ядром процессов глобальной сетевой самоорганизации. Так, исследователь Мануэль Кастельс, подвергший тщательному социологическому и политологическому анализу современное общество и структуру его организации и функционирования, исследуя связь между изобретателями, предпринимателями, финансовыми корпорациями и государством в информационно-технологической революции, на примерах от США до Китая и Индии доказывает, что именно государство было инициатором и главным двигателем этой революции, фактором, выражающим и организующим социальные и культурные силы, содействующим развитию широких и защищенных рынков и финансирующим макро исследовательские программы. Параллельно с образованием новой парадигмы современного мира «возникают новые формы вмешательства государства в экономику, связанные с четкими стратегиями, поддержкой технологического развития и конкурентоспособности своих национальных отраслей, своих фирм. Политика все более становится ключевым инструментом конкурентоспособности ». М.Кастельс убедительно доказывает, что реальная рыночная конкуренция более высокого уровня, глубокая стратегия национального роста, реализующиеся в глобальном масштабе, осуществляются в условиях управляемой торговли и управляемого программирования. Современный мир - это мир, где «сильные связи между правительствами и мультинациональными корпорациями формируют рыночные тенденции, и

страны, которые полностью отдались на произвол рыночных механизмов, особенно болезненно реагируют на изменения финансовых потоков и уязвимы с точки зрения технологической зависимости». Автор подмечает, что после того, как краткосрочные выгоды от либерализации растворяются в реальной экономике, обычно за потребительской эйфорией следует шоковая терапия. Все эти аргументы автор суммирует в единый постулат о «реполитизации информационного капитализма». Таким образом, можно сформулировать основные тезисы стратегии национального развития в современной сетевой парадигме глобального миропорядка:

- Именно из-за взаимосвязанности и доступности международной экономики государства должны участвовать в процессе разработки стратегий развития от лица своих экономических агентов.
- Конкуренентоспособность в новой глобальной экономике зависит от политических потенциалов национальных и межнациональных институтов распоряжаться стратегиями роста стран и регионов, находящихся под их юрисдикцией.
- Создание новой экономики, образованной на социально-экономических изменениях и технологической революции, будет в определенной степени зависеть от политических течений, проходящих в государстве, в том числе инициируемых им самим.

На фоне данного дискурса тезис об архаичности и рудиментарности национальной государственности и суверенитета теряет свою актуальность и практическую направленность. В целом, позитивным может считать сам факт того, что рассматриваемая проблема находит свою рефлексию и развитие в армянской политической действительности и аналитических кругах. Несмотря на определенную критику, в принципе, рассмотренные выше идеи верны относительно основных выводов по сути концепции «сетевого общества» и парадигмы современных глобальных изменений. В этом плане аналитическим и экспертным сообществом проведена довольно-таки

объемная и крайне важная работа. Вдвойне ценно и важно также то, что местным экспертным сообществом была предпринята попытка экстраполяции концепции и ее тезисов к армянским политическим условиям и выработки соответствующей современным глобальным тенденциям стратегии национального развития. Что, в частности, выразилось в разработке концепции «армянского мира». Весь вопрос в том, какими исходными принципами мы будем руководствоваться в интерпретации логики концепции. Абсолютно верно подмечено, что для реализации собственных конкурентных преимуществ в современном миропорядке необходимо организовываться в устойчивую и эффективную национальную сеть («армянский мир»), организованную и действующую по логике «сетевой самоорганизации». Однако, что понимать под «сетевой организацией»? Как правило, увлекаясь современным дискурсом по данной проблеме, большинство исследователей попадает в так называемую аналитическую ловушку, пытаясь объять необъятное и попадая в соседний неолиберал-глобализационный дискурс, не выходя дальше его концептуальных рамок и не сказав, по сути, ничего нового. Главное, к чему выводит современная сетевая парадигма, – возможность автономной уникальности, возможность самостоятельного парадигмального мышления и видения и возможность самостоятельного качественного развития. Как видно из определения, логика сетевой парадигмы не допускает строгой вертикальной иерархии, все узлы системы автономны и равнозначны во всеобщей архитектуре сетевой организации. По закону внутренней самоорганизации системы это означает, что каждый ее отдельный элемент, узел может обеспечить самостоятельный качественный рывок в своем стратегическом развитии. Перенося данный вывод на логику организации современного глобального миропорядка, мы можем сказать, что каждый отдельный субъект современной мировой политической системы может совершить качественный скачок в своем стратегическом развитии с ее периферии на качественно новые лидирующие

позиции, что было крайне сложно осуществить в предыдущей, более стабильной и устойчивой системе миропорядка. Для этого необходимо не «транзитироваться» под генерирующие центры современных глобализационных процессов, а уметь выработать собственное стратегическое программирование национального развития, с одной стороны, и собственное парадигмальное видение глобального миропорядка – с другой. Все, на чем нужно сконцентрироваться армянской политической и интеллектуальной элите, – это нахождение внутренних механизмов для качественного рывка в национально-стратегическом развитии. И логика сетевой самоорганизации современного общества и миропорядка, при правильной интерпретации и понимании, создает для этого кардинальные возможности. Очевидно, что в условиях глобальной трансформации политического миропорядка Армения должна иметь свое собственное четкое видение будущего мирового политического устройства, найти свой собственный, отражающий культурные особенности путь к глобальной экономической и политической системе для того, чтобы иметь в нем свое достойное место. Как отмечает по этому поводу исследователь Армен Айвазян: «В цивилизационном плане Армении следует, в первую очередь, смотреть не на Запад или Восток, а на собственное огромное культурно-историческое наследие и путем создания национальной школы восстановить целостность армянского культурного мира и мировосприятия». Идеологи концепции «армянского мира» отмечают, что логика и структура армянской национальной сетевой организации должна выстраиваться по принципу горизонтально-сетевому и мобильного взаимодействия «Республика Армения-Диаспора». При этом в качестве основных терминов выдвигаются «горизонтальная структура», «неиерархичность», «отсутствие командной системы организации», «сетевая гибкость» и т.д. Однако в дискурсе практически отсутствует такое понятие, если выражаться терминологией М.Кастельса, как Стратегический Центр Командного Управления . То есть,

другими словами, материнская система или национальное государство, разрабатывающая основную стратегию развития, дающая базисные установки поведения в системе и, в конце концов, являющаяся системообразующим узлом, вокруг которого организуется национальная сеть. В своей работе «Информационная эпоха» Кастельс отмечает, что совместно с рядом исследователей эмпирически было подтверждено, что «у истоков подъема азиатско-тихоокеанских экономик лежит националистический проект государства развития». Таким образом, работа по созданию армянской национальной сети должна вестись в следующих основных направлениях:

- Укрепление и создание эффективного Стратегического Центра Командного Управления в лице армянской государственности (Республика Армения и Республика Арцах), который будет в состоянии генерировать качественную стратегию национального развития на всех уровнях и эффективно выполнять функцию центростремительного и системообразующего узла, без чего дееспособное существование и функционирование национальной сетевой самоорганизации в принципе невозможно.

- Укрепление системы национального взаимодействия и организации внутри Диаспоры, которая на данный момент функционирует более фрагментарно, чем по единой общенациональной стратегической программе (если таковая, в принципе, выработана).

- И, наконец, создание эффективной системы и механизмов взаимодействия между национально-государственным стратегическим командным центром и Диаспорой, основанной на гибкой платформе горизонтальной передачи стратегических импульсов и сигналов, для адекватного и оперативного реагирования на изменяющуюся глобальную среду.

Из всего сказанного, очевидно, что одной из основных проблем являются слабые позиции армянской национальной государственности, что вносит дезорганизацию в национальную сетевую систему. Национальная сеть, Диаспора не получают необходимых импульсов и сигналов, программы командно-стратегического планирования и поэтому дезориентированы. Сложная социально-экономическая ситуация в Армении, неустойчивая политико-идеологическая платформа подрывают позиции Армении как стабильного и эффективного системообразующего «материнского» центра национальной системы. Без решения данной первоочередной задачи и без ее осознания интеллектуально-политической элитой и правящим истеблишментом все остальные разговоры по поводу «актуальной темы», с заимствованием современных стилистических оборотов, беспочвенны и бессмысленны. Многие армянские исследователи приводят в качестве примера успешную деятельность армянской национальной сети (выражаясь терминологией данного дискурса) в период отсутствия собственной национальной государственности. Однако крайне опасно и неконструктивно переносить данную логику на современный период исторического развития, когда армянская нация имеет свою полноценную и состоявшуюся государственность, решает качественно иные задачи в качественно иной мировой политической среде. И руководство прежней логикой, отработанной веками, и неспособность выработки новой актуальной и адекватной современным историко-политическим условиям стратегии национального развития являются архаичными проявлениями и приведут к крайне деструктивным последствиям. В противном случае, результаты практического воплощения концепции так называемого «армянского мира» приводят лишь к продолжающему оттоку основного населения с Армении и Арцаха и к количественному увеличению числа вынужденных эмигрантов в Диаспору – не более и не менее. Таким образом, главный вывод, с точки зрения парадигмы национально-государственного развития и поведения в

рамках формирующейся международной политической системы, остается весьма простым и банальным. Единственно верной стратегией развития по-прежнему остается укрепление собственной государственности, национально-государственного суверенитета и целостности, собственной культурной самобытности. И только в этом случае, по крайней мере, для армянского государства и общенациональной организации, возможно, будут обеспечены стабильность, безопасность и развитие.

3.2 Возможности и перспективы дальнейшего развития акторно-сетевой теории

Когда под «социальным» считают разновидность материала, пользуясь этим термином как прилагательным примерно того же ряда, что и «стеклянное», «золотое», «биологическое», «экономическое», «ментальное», «организационное» или «лингвистическое», начинаются проблемы. Здесь смысл термина разделяется, потому что теперь он означает две совершенно разные вещи: во-первых, сам процесс сборки, а во-вторых, особый тип компонента, который, как намечается, отличается от других материалов. Бруно Латур в своих трудах показал, почему социальное не может обуславливаться как разновидность материала или как некая сфера и подверг сомнению сам проект «социального объяснения» какого-либо другого состояния дел.

На сегодняшней периоды развития социальных наук уже нет возможности тщательно пересмотреть компоненты, составляющие область социального. В своих работах Бруно Латур хочет переопределить понятие социального, возвратиться назад к его начальному значению, и сделать его вновь способным проследить связи. Тогда будет возможность вернуться к традиционному стремлению социальных наук, но с помощью способов, более ей соответствующих. Мы обратились к акторно-сетевой теории, чтобы установить, как теория социального действия может справиться с задачей

прибавления агентностине-человеческим акторам. Нами отведены две линии интерпретации предоставленного подхода (условно названные онтологической и методологической), выявляющие различные перспективы теоретизирования. В первой отмечается детерминизм материального по отношению к социальному. В итоге такой трактовки в фокус внимания теории социального действия зачисляется большое количество сломанных объектов и нетипичных ситуаций, тем не менее, за границами остается исследование функционирования «невидимых» технологий и рутинных событий. Вторая линия интерпретации допускает, что модификация теории социального действия не охватывает переопределение отношений между социальным и материальным, вместо этого она сосредоточивается на соотношении социального и осмысленного. Смысл действия устанавливается в зависимости от взаимодействия смешанных акторов.

В случае акторно-сетевой теории речь идет о семействе теорий, которое испытало многочисленные трансформации, трансферы в другие дисциплинарные области, критику с различных теоретических и политических позиций, а также нашло разнообразные применения. Семейные сходства, сближающие АСТ и плоские онтологии, объединяются вокруг проблемы онтологического равенства гетерогенных сущностей. Их связывает прагматическое отношение к собственным концептам, стремление к их корректировке, заимствованию и полному пересмотру.

Задача этого атласа не выстроить единое понимание акторно-сетевой теории или плоских онтологий (как если бы у них была сущность, которая служила бы универсальным навигатором), а сделать возможным формирование собственного «тренированного взгляда», распознающего сходство и различия¹. Исследователь свободен в выборе траектории для навигации по такому атласу.

¹ Daston L. J., Galison P. Objectivity. N.Y.: Zone Books, 2007. Ch. 6.

Метафора лаборатории всегда оставалась рядом с акторно-сетевой теорией. АСТ сделала первые шаги в лаборатории Института Солка, родившись на пересечении социологии научного знания, семиотики научных текстов и философии различия, вобрав в себя многие этно-методологические установки. Вырвавшись из лаборатории, она вскоре превратилась в транснационального «монстра»¹, нарушившего признанные дисциплинарные границы.

После проведения значительной работы по изучению «сборок» (*assemblages*) в природе, Бруно Латур считает необходимым более тщательно разобраться в том, что именно «собирается» (*assembled*) под сенью общества. Он считает, что это единственный способ сохранить верность старым обязательствам социологии, этой «науки о жизни сообща».

Однако сходный проект следует за собой и переопределение того, что обычно предполагают под этой дисциплиной. В переводе - и с латыни, и с греческого - «социология» обозначает «наука о социальном». Это было бы хорошая формулировка, если бы не два слабых пункта - слово «социальное» и слово «наука». Плюсы, которые с готовностью мы сегодня добавляем научным и техническим инициативам, имеют мало общего с тем, что имели в виду родоначальники социальных наук, основывая эти дисциплины. В разгар модернизации необходимость науки была настолько значительна, что она могла увеличивать свою область до бесконечности без всяких опасений, замедлявших бы ее развитие. Никто не догадывался, что такое расширение значения слова «наука» может привести к его распространению на почти всю остальную область социального взаимодействия. Не менее решительная трансформация произошла и с тем, что подразумевалось под «обществом», в большой мере благодаря тому же самому расширению продуктов науки и технологии. И уже необъяснимо, существуют ли вообще отношения

¹ Law J. Introduction: Monsters, Machines and Sociotechnical Relations// A Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology and Domination. L.: Routledge /The Sociological Review Monographs, 1991.

довольно специфичные, чтобы называться «социальными», которые можно было бы соединить в особую область, способную функционировать как «общество». Теперь мы отмечаем, что социальное в разбавленном виде есть всюду, а в чистом - нигде. Таким образом, ни наука, ни общество не остались неизменными, чтобы осуществить обещания строгой «социологии».

Наперекор этой двойственной метаморфозе, несколько социологов пришли к решительному выводу о том, что необходимо переменить и объект, и методологию социальных наук. После многих разочарований они все еще надеются в один прекрасный день достичь земли обетованной - истинной науки о реальном социальном мире. Никому из исследователей эти болезненные колебания не знакомы лучше, чем тем, кто, подобно Латуру, долгие годы использовал этот оксюморон - «социологию науки». В силу массы парадоксов, порождаемых этой живой, но несколько искаженной ветвью знания, и многочисленных исправлений и то, что понимается под «социальным».

Что такое общество? Что значит «социальное»? Почему о некоторых видах деятельности заявляют, что они имеют «социальное измерение»? Как можно представить присутствие «социальных факторов» в поступке? Когда исследование общества или иных социальных организаций является хорошим исследованием? Как можно поменять путь развития общества? При ответе на эти вопросы можно следовать двум абсолютно разным подходам. Один из них стал общепринятым, а другой - предмет настоящей работы.¹

Первый из них заключается в обозначении существования особого вида явлений, называемого по-разному: «обществом», «социальным порядком», «социальной практикой», «социальным измерением» или «социальной структурой». Для прошлого столетия, на протяжении которого и разрабатывались социальные теории, было необходимо отличить эту область

¹ Писарев, А. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка / А. Писарев, С. Астахов, С. Гавриленко // Логос. – Т. 27 – № 1 – 2017

реальности от других, таких как экономика, география, биология, психология, право, наука и политика. О данном явлении заявлялось, что оно «социальное», или «присуще обществу», когда его можно было определить, как обладающее особыми качествами, отчасти негативными - оно не должно было быть «чисто» биологическим, лингвистическим, экономическим, природным; отчасти позитивными - оно должно было реализовывать, укреплять, отражать, поддерживать, воспроизводить или подрывать социальный порядок. Как только эта зона была определена, пусть даже и расплывчато, ее можно применять для прояснения специфически социальных явлений (социальное может быть объяснено через социальное) и для формирования определенного типа объяснения того, что невозможно объяснить, отталкиваясь от прочих областей: обращаясь к «социальным факторам», можно объяснять «социальные аспекты» не-социальных явлений.

Второй подход не принимает как само собой разумеющийся основной принцип первого. Он утверждает, что в социальном порядке нет ничего специфического, что нет никакого социального измерения, никакого «социального контекста», никакой отдельной области реальности, которой можно было бы навесить этикетку «социальное» или «общество»; что нет никакой «социальной силы», которой можно было бы «объяснить» недоступные объяснению остаточные характеристики других областей; что члены сами хорошо знают, что делают, даже если не сообщают об этом к большому удовольствию наблюдателей; что акторы никогда не погружены в социальный контекст и потому они всегда гораздо больше, чем «просто информанты»; что, следовательно, нет никакого смысла в прибавлении «социальных факторов» в другие научные специальности; что политическая значимость, достигаемая с помощью «науки об обществе», не всегда желательна; и что «общество», вовсе не являясь всеохватывающим контекстом, должно скорее считаться как один из множества связующих элементов, передвигающихся внутри тонких каналов. Это второе течение

мысли - с обусловленной долей вызова - могло бы использовать в качестве призыва знаменитое восклицание М.Тэтчер «Не существует такой вещи, как общество».

Но если два эти подхода столь различны, то, как могут они оба претендовать на то, чтобы быть наукой о социальном, и стремиться использовать одно и то же название - «социология»? На первый взгляд они должны быть попросту несовместимы, поскольку вторая позиция полагает главной требующей разрешения загадкой именно то, что первая считает своим решением, а именно существование особых социальных связей, обнаруживающих скрытое присутствие особых социальных сил. Согласно альтернативной точке зрения, «социальное» - это не клей, способный соединять что угодно, включая и то, что не под силу другим видам клея; это как раз то, что склеивается воедино множеством других типов соединителей.¹

В то время как социологи приобретают социальные агрегаты как данность, с помощью которой можно разъяснить остаточные аспекты экономики, лингвистики, психологии, менеджмента и т.д., этот второй подход, напротив, анализирует социальные агрегаты как то, что необходимо объяснять характерными связями, обусловленными экономикой, лингвистикой, психологией, правом, менеджментом и т. д.

Но если иметь ввиду этимологию слова «социальное», то сходство между двумя подходами проявится гораздо большим. Хотя большинство социологов предпочло бы называть «социальным» нечто гомогенное, вполне допустимо обозначать тем же словом некий след связей между гетерогенными элементами. Поскольку в обоих случаях генезис этого слова одно и то же - от латинского корня «socius», то можно сохранить пристрастие изначальным интуициям социальных наук, обусловив социологию не как

¹ Писарев, А. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка / А. Писарев, С. Астахов, С. Гавриленко //Логос.– Т. 27 –№ 1 – 2017

«науку о социальном», а как прослеживание связей. В такой оценке прилагательное «социальное» отмечает не вещь среди других вещей, вроде черной овцы, затесавшейся среди белых, а тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными.

Вначале такое определение кажется абсурдным, так как рискует сделать социологию ординарной, отсылающую теперь к любому типу агрегатов - от химических связей до правовых, от атомных сил до корпораций, от физиологических структур до политических альянсов. Но дело именно в том, что эта альтернативная ветвь социальной теории стремится принести возможность заново соединить все эти неоднородные элементы в каком-то установленном порядке. Это отнюдь не поразительная гипотеза, а, напротив, самый обыкновенный опыт, который мы имеем при встрече с таинственным обликом социального. В продажу попадает новая вакцина, предлагается новая должностная инструкция, формируется новое политическое движение, открывается новая планетная система, разрабатывается новый закон, случается новая катастрофа... В каждом случае нам приходится пересматривать свои представления о том, что было объединено воедино, потому что прежнее определение стало ненужным. Мы уже не уверены в том, что такое «мы». Выглядит, будто мы связаны «узлами», которые не похожи на систематичные социальные связи. АСТ развивалась вместе с исследованиями науки и технологий, влияя на формирующийся здравый смысл этой области, а через них и на социальные науки в целом.¹

АСТ удается отражать важнейшую черту лаборатории: производить большое количество проб и ошибок без горьких последствий для самой себя. Это обнаруживается как в массе самоописаний и самоинтерпретаций, нередко предлагающих непротиворечивые образы теории, так

¹ Писарев, А. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка / А . Писарев, С. Астахов, С. Гавриленко //Логос.– Т. 27 –№ 1 – 2017

и во множестве применений, подстраивающих теорию к конкретным эмпирическим обстоятельствам. Таким образом, АСТ - междисциплинарная экспериментальная область, в которой проходят испытания решительные вопросы и аргументы из философии и социальной теории. Возможно ли показать агентность не-человеческих существ, не приписывая им интенциональности? Как семиотическое описание будет влиять за пределами текстов? Имеет ли значение говорить об одноразовых объяснениях в социальных науках? Работают ли доводы эмансипации вне установок критической теории? Если агентность сосредоточивается внутри сети отношений, то, как возможна моральная ответственность? Возможен ли сортировка вещей и готовы ли к нему человеческие сообщества? Чтобы ответить на эти вопросы, акторно-сетевая лаборатория перестраивается, дополняется новыми дисциплинарными и методологическими модулями.

Далеко не все испытания проходят благополучно, временами базовые семейные аналогии не переносят искажений и растворяются в соседних дискурсах. Но разработки продолжаются, появляются новые решения, традиция пересобирает собственное прошлое и будущее.

АСТ рассчитывает, что акторы способны выстраивать ассоциации, что без ассоциаций неосуществимы изменения, что все наблюдаемые нами сложные организации, вроде групп, корпораций, кораблей, государств, школ или субкультур – результат сборок разнообразных связей между большим числом посредников и проводников. Теории потока могут стать увлекательны тем, что в своей потенции способны предложить такие основания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа посвящена вопросу: влияния теории социального действия на «поворот к материальному» в современной социологии. Данная проблема разбирается на основе анализа двух допустимых интерпретаций соотношения социального, материального и осмысленного в акторно-сетевой теории, которые основатели парадигмы именуют онтологической и методологической. Мы приходим к выводу, что в акторно-сетевой теории Б. Латура на основании онтологизации семиотических моделей А. Греймаса смысл действия ставится в зависимость от взаимодействия разнородных акторов, что находит отражение в концепции циркулирующей референции. Онтологическая и методологическая интерпретации акторно-сетевой теории раскрывают многообразные перспективы теоретизирования, хотя у Латура они соединены.

Эффекты «поворота к материальному» для социологической теории подобны результатам небольшого ядерного взрыва. В самом начале книги «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» Б. Латур, один из основных фигурантов данного направления, делает следующую ремарку: «Теперь, когда эта альтернативная социальная теория представлена в упорядоченном виде, читатели могут решать - пользоваться ли ей, исказить ли ее до неузнаваемости или, что всего вероятнее, все равно не обращать на нее внимания». Суть тенденции к материальному в социологическом теоретизировании можно лаконично объяснить следующим образом: прежде статус материальных объектов был ограничен их функционированием в качестве инструментов действия, его инфраструктуры или проекции социальных смыслов. Революция сводится к присвоению объектам одинакового с людьми статуса в производстве действия.

Концептуализация материальных объектов как активных агентов, осуществленная рядом социальных ученых в 80 – 90-е годы XX века,

посылает вызов классической теории социального действия. Ранее материальные объекты почти не интересовали социологов. Теперь любой социолог, который отказался от стратегии игнорирования концептуальных и методологических новшеств, выдвигаемых теоретиками предметного мира, обязан преобразовывать язык социального описания относительно агентности материального объекта. Какие вызовы обращение к материальному бросает теории социального действия?

Мы считаем, что смысл необходим, но не является достаточным условием социальности. Для того чтобы действие именовалось социальным, оно должно быть ориентировано на «других». Во-первых, обращение к материальному настаивает на переопределении «другого» как не-человеческого (non-human) актора. Во-вторых, он усугубляет соотношение между социальным и осмысленным еще одним звеном: материальным-природным /техническим. Отныне каждая социологическая теория должна предлагать ответ на вопрос, как соотносятся эти три области. Особенно осложняет ситуацию обращение к материальному, инициирует в области микросоциологии, так как исчезновение границы между людьми и не-людьми влечет за собой устранение различий между микро и макро.

В данной работе мы обращаемся ко второй из обозначенных проблем, двух возможных интерпретациях соотношения социального, материального и осмысленного в акторно-сетевой теории. Раскрепощение материального объекта от груза социального объяснения изменяет до неузнаваемости отношения между социальным и материальным. Если социальная жизнь делается возможной при помощи объектам внешнего мира, материальное в известном смысле появляется прежде социального и детерминирует над ним. Приверженцы обращения к материальному предрасположены к такого рода интерпретациям уже на уровне программных заявлений.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Блур Д. Сильная программа в социологии знания //Логос.– 2002. № 5–6 (35).– С. 162–185.
2. Вахштайн В.С. К микросоциологии игрушек: сценарий, афорданс, транспозиция.// Логос.– 2013.– №2 (92): 3 – 37.
3. Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории //Социологическое обозрение. – 2005. Т. 4.– № 1.– С. 94–115.
4. Вахштайн В. С. Пять книг о посткритической социологии //Социология власти.– 2012.– № 6–7.– С. 275–281.
5. Вахштайн В.С. На краю привычного мира: события и их фреймы. Социологическое обозрение.– 2011.– № 10 (3).– С.79 – 94.
6. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством. Социология власти, – №2.– С. 9 – 38.
7. Вахштайн В.С. Социология вещей и поворот к материальному в социальной теории. / В.С. Вахштайн.– М.: 2006.–ИД «Территория будущего».–439с.
8. Вахштайн В.С. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией//Социологическое обозрение. – 2006. Т.5.–№1.
9. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов.– СПб: Изд-во Европейского ун-та в СПб.,2011b.–34с.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. –Екатеринбург: У-Фактория– М.: Астрель, 2010.
11. Демин Т.С. Концепция «потока» в актуальной социологии // Психология, социология и педагогика. – 2015.– № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2015/09/5846> (дата обращения: 11.01.2018).
12. Иванов Д.В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин. // Журнал социологии и социальной антропологии.– 2010.– №.13.– С. 21 – 65.

13. Кравец А.С. Теория смысла Ж. Делёза: pro и contra. //Логос,– 2005.–49 (4).–С.227 – 258.
14. Кононова Я. Концепция Бруно Латура в перспективе парадигмального изменения оснований социологической теории: дисс. ... канд. соц. наук. – Запорожье, 2015. URL: http://academia.edu/19830083/Latour_Thesis_rus.
15. Кузнецов А. Г. «Парадигма Латура»: история одного предательства социального конструктивизма в исследованиях науки и технологий //Векторы развития современной России: «границы» в социальных науках: Материалы XI Международной научно-практической конференции (Москва, 20–21 апреля 2012 года).– М.: МВСШЭН, 2013.– С. 62–75.
16. Кузнецов А. Г. Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и зона обмена. //Социология власти.– 2014.– №1.–С. 64 – 74.
17. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с
18. Ламонт М. Как стать самым важным французским философом: случай Дерри- да //Логос. 2009. № 4–5 (72). С. 3–42.
19. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир //Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 29–37.
20. Латур Б. Надежды конструктивизма //Социология вещей: сб. ст./Под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 365–389.
21. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества.– СПб.: Издательство Европейского университета, 2013.
22. Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии.– СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.
23. Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». – СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.

24. Латур Б. Политика объяснения //Социология власти.– 2012.– № 8.– С. 113–143
25. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Инсти- тута Гайдара, 2015.
26. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30 – 42
27. Малышкин Е.В. О виртуально существе в феноменологии Лейбница. Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия «Философия», //(2013)–№2 (4): 31 – 38.
28. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екате- ринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
29. Мол А. Множественное тело //Социология власти. – 2015.– № 1. - С. 232–247.
30. Моркина Ю. С. Социальная теория познания Д. Блура: истоки и философский смысл. – М.: Канон+, 2012.
31. Мортон Т. Экология без природы//Художественный журнал. 2016. № 96.
32. Напреенко И.В. (2013) Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. Социология власти, (1–2): 75 – 98.
33. Писарев, А. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка / А . Писарев, С. Астахов, С. Гавриленко //Логос.– Т. 27 –№ 1 – 2017
34. Сериков А.Е. (2009) Семиотическая модель действия. Социологический журнал, (1): 19 – 46.
35. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
36. Столярова О. Е. Реляционная онтология А. Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация //Вопросы философии.– 2008.– № 12. –С. 84–103.

37. Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика //Логос. 2014. № 4 (100). С. 229–248.
38. Харман Г. О замещающей причинности //Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 75–90.
39. Элам М. Как опасно жить в гибридном мире Бруно Латура //Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. № 4. М.: ИНИОН, 2000. С. 29–35.
40. Actor Network Theory and After/J. Law, J. Hassard (eds). Oxford: Blackwell Publishers/The Sociological Review Monographs, 1999.
41. Akrich M. The description of technical objects. In: Bijker W., Law J. (eds.) Shaping Technology / Building 1992
42. Amsterdamska O. Surely You are Joking, Monsieur Latour!// Science, Technology, & Human Values. 1990. Vol. 15. № 4. P. 495–504.
43. Bammé A. Wissenschaftim Wandel: Bruno Latour als Symptom. Marburg: Metropolis, 2008.
44. Blok A., Jensen T. E. Bruno Latour: Hybrid Thoughts in a Hybrid World. L.: Routledge, 2011.
45. Bloor D. Sociologie de la logique ou les limites de l'épistémologie. P.: Pandore, 1982.
46. Bourdieu P. Science of Science and Reflexivity. Cambridge: Polity Press, 2004. Brassier R. Concepts and Objects// Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman (eds). Melbourne: re.press, 2011. P. 47–65.
47. Brassier R. Deleveling: Against “Flat Ontologies” //Under Influence—Philosophical Festival Drift 2014 /C. van Dijk, E. van der Graaf, V. den Haan, R. de Jong, C. Roodenburg, D. Til, D. Waal (eds). Antwerp: Omnia, 2015. P. 64–80.
48. Brown J. R. Who Rules in Science? An Opinionated Guide to the Wars. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.

49. Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Briec Bay // Power, Action and Belief/J. Law (ed.). L.: Routledge, 1986. P. 196–223.
50. Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken // Sciences as Practice and Culture / A. Pickering (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 301– 326.
51. Cussins A. Content, Embodiment and Objectivity: The Theory of Cognitive Trails//Mind. 1992. Vol. 101. № 404. P. 651–688.
52. Cussins C. Ontological Choreography: Agency for Women Patients in an Infertility Clinic // Differences in Medicine: Unraveling Practices, Techniques, and Bodies/M. Berg, A. Mol (eds). Durham, NC: Duke University Press, 1998. P. 166–201.
53. Daston L. J., Galison P. Objectivity. N.Y.: Zone Books, 2007.
54. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. L.: Bloomsbury Academic, 2002.
55. DeLanda M. Philosophical Chemistry: Genealogy of a Scientific Field. L.: Bloomsbury, 2015.
56. Dosse F. Empire of Meaning. The Humanization of the Social Sciences. Minneapolis: Minnesota University Press, 1998.
57. Evarts S. Translating the Translators: Following the Development of Actor-Network Theory. BA thesis. Brown University, 2011.
58. Guggenheim M., Pottast J. Symmetrical Twins: On the Relationship between ActorNetwork Theory and the Sociology of Critical Capacities// European Journal of Social Theory. 2012. Vol. 15. № 2. P. 157–178.
59. Harman G. Bruno Latour: Reassembling the Political. L.: Pluto Press, 2014. Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: re:press, 2009.
60. Kneer G., Schroer M., Schüttpelz E. Bruno Latours Kollektive. Kontroversen zur Entgrenzung des Sozialen. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2008.

61. Latour B. *An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. Latour B. *Biography of an Inquiry: On a Book About Modes of Existence // Social Studies of Science*. 2003. Vol. 43. № 2. P. 287–301.
62. Latour B. *On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications// Soziale Welt*. 1996. Jg. 47. H. 4. S. 1–14.
63. Latour B. *One More Turn after the Social Turn: Easing Science Studies into the NonModern World //The Social Dimensions of Science / E. McMullin (ed.)*. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press, 1992.
64. Latour B. *Visualisation and Cognition: Drawing Things Together//Knowledge and Society Studies in the Sociology of Culture Past and Present*. Vol. 6 /H. Kuklick (ed.). Greenwich, CT: Jai Press, 1986. P. 1–40.
65. Latour B. *Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern //Critical Inquiry*. 2004. Vol. 30. № 2. P. 225–249.
66. Latour B., Bowker J. *A Booming Discipline Short of Discipline: (Social) Studies of Science in France // Social Studies of Science*. 1987. Vol. 17. № 4. P. 715– 748.
67. Latour B., Callon M. *La science telle qu'elle se fait: anthologie de la sociologie des sciences de langue anglaise*. P.: Pandore, 1982.
68. Latour B., Harman G., Erdélyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE*. Winchester, UK: Zero Books, 2011.
69. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. Beverly Hills: Sage Publications, 1979.
70. Law J. *Actor-Network Theory and Material Semiotics//The New Blackwell Companion to Social Theory /B. S. Turner (ed.)*. Malden, MA: Blackwell, 2008. P. 141–158.
71. Law J. *After ANT: Complexity, Naming and Topology // Actor Network Theory and After/J. Law, J. Hassard (eds)*. Oxford: Blackwell Publishers/The Sociological Review Monographs, 1999. P. 1–14.

72. Law J. Introduction: Monsters, Machines and Sociotechnical Relations// A Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology and Domination /W. Bijker, J. Law (eds). L.: Routledge /The Sociological Review Monographs, 1991. P. 1–23.
73. Law J. Organizing Modernity. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1994. Law J. Traduction/Trahison: Notes on Actor-Network Theory //TMV Working Paper. 1997. № 106. P. 1–26.
74. Lynch P., Rivers N. Thinking with Bruno Latour in Rhetoric and Composition. Carbondale: Southern Illinois University Press, 2015.
75. McGee K. Bruno Latour: The Normativity of Networks. L.: Routledge, 2013. Miller A. S. Speculative Grace: Bruno Latour and Object-Oriented Theology. N.Y.: Fordham University Press, 2013.
76. Mol A. Actor-Network Theory: Sensitive Terms and Enduring Tensions//Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2010. Vol. 50. № 1. P. 253–269.
77. Mol A. Ontological Politics. A Word and Some Questions// Actor Network Theory and After/J. Law, J. Hassard (eds). Oxford: Blackwell Publishers/The Sociological Review Monographs, 1999.
78. Morelle L. The Trouble with Ontological Liberalism //Common Knowledge. 2016. Vol. 22. № 3. P. 453–465.
79. Noys B. The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.
80. Pickering A. The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science. Chicago: University of Chicago Press, 1995. Radder H. Normative Reflections on Constructivist Approaches to Science and Technology // Social Studies of Science. 1992. Vol. 22. № 1. P. 141–173.
81. Ruffing R. Bruno Latour. Stuttgart: UTB Profile, 2009.

82. Sayes E. Actor-Network Theory and Methodology: Just What Does It Mean to Say That Nonhumans Have Agency?// *Social Studies of Science*. 2014. Vol. 1. № 44. P. 134–149.
83. Schmidgen H. *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography*. N.Y.: Fordham University Press, 2014.
84. Schmidgen H. *Bruno Latour zur Einführung*. B.: Junius Verlag, 2011.
85. Sismondo S. *An Introduction to Science and Technology Studies*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2004.
86. Stengers I. *Cosmopolitiques. Tome II: L’Invention de la mécanique*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011.
87. Strathern M. *Partial Connections*. Savage, MD: Rowman and Littlefield, 1991.
88. *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology* /W. Bijker, T. Hughes, T. Pinch (eds). Cambridge, MA; L.: MIT Press, 1987.
89. Van Heur B., Leydesdorff L., Wyatt S. Turning to Ontology in STS? Turning to STS through “Ontology” // *Social Studies of Science*. 2013. Vol. 43. № 3. P. 341–362.
90. Whitehead A. N. *Concept of Nature: Tarner Lectures Delivered in Trinity College, November, 1919*.
91. *Cambridge: The University Press, 1920*. Wolfendale P. *Object-Oriented Philosophy: The Noumenon’s New Clothes*. Falmouth, UK: Urbanomic Media, 2014.